

ЕЛЕНА КНЯЖИНА

ДИКАЯ МАГИЯ

ПРОКЛЯТЬЕ
«ЧЕРНОГО ТЮЛЬПАНА» 2

Дикая магия

Елена Княжина

**Дикая магия. Проклятье
«Черного тюльпана» – 2**

«Автор»

2022

Княжина Е.

Дикая магия. Проклятье «Черного тюльпана» – 2 / Е. Княжина — «Автор», 2022 — (Дикая магия)

Я Анна Дэлориан, дестинка, магический самородок с «черной» кровью. Я перестала быть своей в мире людей, но и в сообщество первокровных выскочек-магов меня приглашать не торопятся. Знала ли я, что пара глупых фраз, брошенных в адрес надменного профессора, так сильно испортит мне жизнь? Первый день учебы, а у меня уже есть собственный враг, поклявшийся сопровождать мучениями каждый мой шаг. И еще эта странная Санкт-Петербургская академия, в которой у любого встречного по скелету в шкафу. Не успею разобраться с чужими тайнами к Рождеству – скорее всего, сама стану... этим самым... скелетом, в общем.

Содержание

Глава 1. Клык Лавасилиска	5
Глава 2. Избранная жертвой	15
Глава 3. В ловушке	24
Глава 4. Лекарство от головы	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Княжина

Дикая магия. Проклятье «Черного тюльпана» – 2

Глава 1. Клык Лавасилиска

Невинным рыжеволосым ангелом Джен крутилась у зеркала, поглубже рассовывая по карманам зеленого плащика ворчливость, циничность, злобредность и прямолинейность. Чтобы Бехтерев, пригласивший ее погулять в парке после ужина, случайно не приметил истинное лицо. В другой день меня бы это перевоплощение, достойное театральной премии, повеселило. А сейчас все думы крутились вокруг кабинета на четвертом этаже, в который ноги шли, а голова – не пускала.

Демон объявился за ужином – спокойный, равнодушный и холодный, будто все выходные провел на Северном полюсе. Что-то сдержанно рассказывал крестному, затем недовольно спорил с Освортом... Я ждала теле-маго-граммы, в которой Карпов отменил бы сегодняшнее занятие, но ее не было. «Прогуляете хоть раз, и больше можете не появляться»... Похоже, он оставил решение за мной.

В смятенных чувствах я бродила по лестнице, считая ступени. То поднималась на пролет вверх, то спускалась на два вниз, то снова забиралась выше... Стукнуло семь. Что ж, уже опоздала. Решительно тряхнув головой, я выпрямилась и пошла... вниз.

Тактика взаимной слепоты дала свои плоды. Во вторник на «Снадобьях» Карпов впервые за все время «позабыл» о моем существовании и даже оставил без внимания роскошные сопля тролля. В среду на Практике сражения не вытащил на ринг и позволил отсидеться за спиной Дорохова. Вечером в библиотеке посмотрел сквозь меня, не напомнив о дополнительном занятии.

Ну и чудно. Меня это вполне устраивало. Кажется, я случайно изобрела вакцину от Мрачного Демона... Знала бы раньше, набросилась бы на него с поцелуями в первый день знакомства. И не мучилась бы целый месяц от его издевательских острот!

В пятницу вечером Джен потащила меня в Пункт Связи на экстренное совещание. Дрожаящими губами она объяснила мне и Мелиссе, что Антон пригласил ее на выходные погостить у своей семьи. Девушка то розовела, то зеленела, и явно находилась в пограничном состоянии между перепуганным воплем и молчаливым обмороком.

Усевшись в ступоре на кровати возле раскрытого чемодана, она позволяла нам собрать ее в поездку. Когда Мелисса принялась на ее глазах складывать кружевную сорочку вместо практичных пижамных штанов, Джен тихонько застонала и одарила меня беспомощным взглядом из зеленых блюдец. Пришлось закинуть бледно-голубой шелк обратно в шкаф, а в чемодан демонстративно вернуть удобную полосатую пижаму.

– Если он не идиот, то выделит тебе отдельную спальню, – проворчала я, догадываясь, что как раз-таки Бехтерев относится именно к этому человеческому подвиду.

Разобравшись с суетными сборами, поспешила на кухню: кажется, я переволновалась не меньше подруги. И с разбегу налетела на темную стену, материализовавшуюся посреди гостиной.

– О господи! – взвизгнула в ужасе.

– Вы ошиблись, – сухо фыркнул Демон.

Сдвинув меня с дороги, он сделал пару шагов, развернулся и отправился в том же направлении, в котором планировала идти я.

Трудно игнорировать друг друга, находясь в камерном пространстве крошечной кухни! Тем более, что туда зачем-то наведалься и Осворт.

И, разумеется, всем присутствующим резко понадобилась единственная кофемолка. Горестно выдохнув, я схватилась первой за деревянную мельницу и принялась готовить кофе на троих. В конце концов, я тут единственная воспитанница Фабрики идеальных домохозяек, надо подтверждать статус.

– Ромул, сделай одолжение, расскажи мисс Дэлориан, – косясь на меня, вдруг тихо обратился к куратору профессор, – о феномене своего подопечного. Господина Макферсона.

– Это не подлежит огласке, Андрей, – поморщился почти-волк.

Мерно помешивая ароматное варево, я наострила уши. Энди тоже говорил про секрет, не подлежащий огласке. И с Освортом дополнительно занимался...

– Девушка должна понимать, чем грозит дружба с чудовищами.

А то девушка не понимала! Чем грозит? Тысячей колкостей и язвительных замечаний. Недосказанностями, скомканными приветствиями, стыдливым отводом глаз. Холодными фразами и равнодушным тоном. Лживыми записками. Вот и общайся после этого с монстрами...

– Энди Макферсон – потомственный метамаг, – пожав плечами, поведал Осворт. – Редкий дар, уникальный. Парень неплохо справляется с контролем, но... Соглашусь с Андреем, его лучше не провоцировать. Животная сущность может проснуться сама по себе. А в зверином воплощении манеры Энди оставляют желать лучшего. Признаться, Академия деревенским уже с десятков кроликов задолжала...

– Метамаг? – рассеянно пробормотала я, все еще переваривая ведро льда, которым окатил меня злобный Демон вместо приветствия.

– Забыл, что вы дестинка! – заулыбался Ромул. – Оборотень, но не совсем. Метамаги превращаются в разных животных по собственному желанию. Или без такового, обуреваемые базовыми инстинктами. К совершеннолетию маги обычно осваивают самоконтроль. Луна не оказывает на них влияния, хотя одежда все равно портится. Энди, он... как бы вам объяснить...

– Кот? Большой дикий кот, да? – догадалась я, вспоминая хищный прищур прилежного юноши. – Ягуар, тигр или пума... Что-то такое?

– Леопард. Любите пятнышки? – хохотнул куратор. – Как вы догадались?

– По движениям... И взгляду. И еще он урчал, когда... А потом рычал.

В конец смутившись, я принялась сосредоточенно разливать кофе по чашкам.

– Когда?

– Д-давно... Было дело.

Леопард! Это многое объясняет – и пластику движений, и хищные повадки... И желание сожрать меня заживо в пятой оранжерее, так явственно читавшееся в глазах цвета северного моря. Ладно, профессор Карпов, признаю – во всяком случае, мысленно, – я рада, что вы вовремя появились и сменили на посту озабоченного котяру.

Вслух я пробормотала только «Понятно» и бочком выбралась из ставшего тесным и душным помещения. Нет, Джен он тоже не подходит! Лучше обычного кота заведем...

– Странная у нас тут компания, да? Племя изгоев... – заулыбалась мне Мелисса, обнаружив в потемках пыльного кабинета.

Из разгоряченной Дженивьевы и обледенелого Карпова я выбрала ничего.

– Почему изгоев?

Жена куратора плавно забралась в выцветшее зеленое кресло, поджала ноги, заправила за ухо темную прядь и оценивающе уставилась на меня. Она была вся какая-то текучая, мягкая... Поистине женственная.

– Разве не заметно? Тут все немножко... сломанные. Мы из тех искалеченных кукол, которых никто не купит в магазине, – аккуратно подбирая слова объяснила Мелисса. – Поэтому нам комфортно рядом. И иногда даже радостно.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь про... всех?

– Если и есть самый неудачный билет в жизни, то его вытянула я. Эмп, рожденный аристократом... Мать пыталась вызвать всплеск... Сумасшедшая, – покачала головой женщина. – Ромул родился в семье «отрекшегося» оборотня и первокровной волшебницы. Кому такой нужен, кроме его матери? Вместо дружбы – тычки в темных закоулках и камни, летящие в спину... Дженни с Джулией потеряли самых близких...

– А Карпов?

– Интересноешься, можно ли задеть за живое бесчувственного преподавателя? – понимающе усмехнулась Мелисса и поджала губы. – Мы с ним не слишком ладим. Но сломать можно любого... Андрей был женат когда-то. Это его крест.

На этом месте мне следовало поперхнуться. Представить себе Демона счастливым молодыном как-то не получалось. Может ли брак превратить человека в чудовище?

– Только не подумай, что раньше он был славным парнем! – прочитав мои мысли, заявила женщина. – Я вижу и в тебе много боли. Дело не только в родителях, да? Произошло что-то еще, что заставило похолодеть изнутри?

– Ты не слишком проницательна? – буркнула я, заметив шевеление в коридоре у самой двери.

– Приходится компенсировать отсутствие магии. У слепых хорошо развит слух... Я не умею колдовать, – Мелисса поиграла в воздухе длинными аристократическими пальчиками, словно перебирая струны арфы. – Но иногда мне открываются люди.

– Ты так выбрала Осворга?

– Этот лохматый монстр, воющий на Луну, – единственный, кто меня ни разу не обидел. Жизнь научила Ромула терпению... и принимать людей со всеми недостатками. Великий дар, мне такого не дано.

– Мне тоже, – проворчала я, вспомнив одного особо богатого на недостатки «парня».

– Так что с тобой стряслось? Ты будто примороженная изнутри.

– Не со мной. С моей подругой по интернету, Ребеккой, поступили очень гнусно. Ей пятнадцать было, а мне всего двенадцать. Случись всплеск на пару недель раньше, я бы могла прекратить всю ту мерзость... Но магия решила, что Бэку защищать не нужно, – хрипло проворчала я. – Она Судьбе была не важна. Всплеск случился, только когда эти девицы полезли на меня.

– Из-за чего?

– Из-за платья. Красного, – грустно улыбнулась я. – Тетя прислала к Рождеству. В нем я выглядела старше, лет на четырнадцать. Новенький парень пригласил танцевать... Я не знала, что Тильда... В общем, все мои проблемы из-за красных платьев.

Скрип подошв у двери и сдерживаемый кашель едва не заставили меня крикнуть: «В следующий раз, если соберетесь подслушивать...»

Но субботним утром подслушивать довелось снова мне. Оставив Джен в обнимку с чемоданом – Мелисса все же сунула в него сорочку, пока подруга не видела, – у выхода из Академии, я пошла в больничное отделение. Мари на месте не оказалось, и я решила поиграть в детектива и поискать кофейные припасы, о которых сболтнул Макферсон.

Прикрыв дверь в кабинет, принялась нагло рыться в ящиках стола. Личные запасы снабдий и мазей, стопка «Лекарских вестников» лет за десять, пакет орешков, шоколадка... Ага, вот он, родимый. И сорт довольно-таки дорогой!

– Ты принял решение, Андрей?

Болезненно-глухой голос крестного, раздавшийся у входа в палату, заставил меня рассыпать зерна. Пока я наводила порядок на столе Мари, услышала и продолжение.

– Нет!

– Я не могу ждать дольше. Не дашь ответ, я приму решение за тебя.

– Хочешь повторить его подвиг? – надменно гаркнул профессор.

Усталый выдох крестного, неспешное шарканье, скрип входной двери больничного отделения...

– Артур, дай мне время. День. Может, два. Есть одна наводка... Заброшенный особняк в Дебрях... Не помешает проверить, прежде чем добровольно лезть в эту петлю.

– Ладно, до понедельника подождет. Андрей, я бы никогда не стал тебя об этом просить, если бы не ситуация. Но вы же старые друзья. И ни для кого не секрет, что в прошлом... А ты что тут делаешь? – уставились на меня орлиные глаза крестного, бесшумно отворившего дверь кабинета.

– Как что? – растерянно выдохнула я и кивнула на рассыпанные зерна. – Кофе у Мари ворую... Ты ведь ей меня не выдашь?

– Анна!

Артур неодобрительно покачал головой и уселся на желтый диван. Карпов остался стоять в проеме, глядя сквозь меня на белую стену. Чем-то, видимо, примечательную.

– Ладно, раз уж нас свела судьба, расскажи, как твои успехи со снадобьями? Есть шансы сдать экзамен? Я так занят, что совсем не уделяю тебе внимания.

– Не страшно, я вполне самостоятельная девочка.

– Ты не ответила.

– Ага. Ты сообразительный, – утвердительно кивнула я и продолжила собирать кофе.

– Ты стараешься на дополнительных занятиях? Анна, нужно ценить время, которое уделяет тебе профессор. Маг такого уровня! Это великая услуга...

– Я в состоянии по достоинству оценить все, что делает профессор, – туманно заявила я и принялась разглядывать коричневые зерна. Тут еще собирать и собирать... – Но не думаю, что промежуточный экзамен мне по зубам.

– Ничего не понимаю! – возмутился крестный. – Неужели вы до сих пор не смогли найти общий язык?

Поперхнулась, конечно, но поток краски, наползающий на щеки, все же остановила.

– Да нет, почему же, – тихо пробормотала, – нашли... вполне себе... общий...

Скоро эти зерна без всякого кипятка сварятся от моего пылающего взгляда.

– Что вы сейчас проходите? Второй курс? Третий? – не унимался заботливый опекун.

Чтоб ему самому так вляпаться! Хотя кто знает, что у них там с Белиндой...

– Мы сейчас... Прости, я пропустила последние три занятия, – виновато призналась я и подняла глаза на Артура.

Лицо крестного сползло на пол: кажется, он собирался орать. Хватая ртом воздух и багровея в тон справочнику лекаря, властный ректор Кроу окатил меня тремя литрами презрения и осуждения.

– Вы пропустили два занятия, мисс Дэлориан. Первое я сам отменил, – вдруг нарушил молчание Демон. – Артур, не кипятись. У твоей крестницы были основания для этих прогулов. Если бы я считал иначе, то поставил бы тебя в известность.

– Основания?! – гневно прошипел крестный, и я на всякий случай спряталась за креслом Мари.

Карпов глубоко вдохнул – рубашка чуть не до скрипа натянулась на груди.

– Это моя вина. Мы повздорили, и я был груб с мисс Дэлориан. Наговорил гадостей... В своем излюбленном стиле, ну, ты знаешь, – мужчина успокаивающе похлопал крестного по

плечу и снова уставился на стену позади меня. – Давно следовало принести вам свои извинения... за оскорбление и неуместное... поведение.

– Все в порядке, профессор. Вероятно, я как-то вас спровоцировала, – просипела, внимательно разглядывая свои ногти, потому что от вида кофейных зерен уже тошнило.

– Не вы, а... «внешние обстоятельства». Жду в обычное время в понедельник, – сухо бросил мужчина. – Если вам все еще интересна медицина.

– Но вы же говорили, если прогуляю хоть раз, то могу не появляться? – непонимающе взглянула на Карпова.

– Далеко не все мои слова являются правдой. Могли бы уже и догадаться.

Разъедаемая изнутри любопытством, я промаялась все воскресенье, но к вечеру Джен так в Академию и не вернулась. Голова пыхла от вопросов начищенным самоваром. Оказался ли Бехтерев идиотом? Нашла ли Джен сорочку? Выкинула ли ее от стыда в окно? Явила ли она парню свое истинное зловерное личико или все выходные играла мать Терезу?

Уверена, рыжая мерзавка заночевала в Пункте Связи, чтобы еще немного меня помучить. Не на ту напала: кое у кого имелся волшебный ключик! Схватив подмышку кофту, ночную сорочку и «Занимательную ботанику» – завтрашнее возвращение к занятиям подразумевало новую партию зельеварительных страданий, – я перенеслась в красный дом посреди желтой травы.

По пустынному коридору не гуляло даже перекасти поле, не говоря уже про Джулию и Мелиссу. После спальни, набитой соседками, от звенящей тишины кружилась голова. Побродив немного по брошенным в одиночестве комнатам, я поднялась наверх и завалилась в постель. Может, Дженни еще объявится... А нет, так у меня в наличии занимательное чтиво с эффектом мгновенного усыпления.

Проснулась я от дверного скрипа, часы показывали три. Из бокового окна падал серебряный свет. Бледным, уставшим ликом на меня глазела Луна – большая, круглая, словно сырная голова, и вся изрытая кратерами.

Наверняка Ромул сейчас рыскал по лесу в поисках какой-нибудь мохнатой вкуснятины, продираясь сквозь влажную листву и наслаждаясь свежестью подступающего утра. В Пункте Связи было спокойно, тихо и привычно мрачно, но этот скрип... Джен так поздно возвращаться бы не стала.

Я скинула одеяло, присела на кровати и стряхнула со лба спутавшиеся пряди. Машинально притянув к себе палочку, поправила упавшую лямку сорочки и стала вглядываться в дверной проем. Там точно кто-то стоял, вперив в меня два черных недоумевающих глаза.

Знакомый высокий силуэт устало опирался о косяк. Черный плащ, небрежно накинутый на плечи, казался мокрым и грязным. Весь вид Карпова говорил о том, что тот откровенно нетрезв, и ноги его держат с трудом. Вот только пьяного преподавателя среди ночи мне не хватало!

Шагнул вперед, пошатнулся, поморщился. Небритое лицо выражало смесь удивления и недоверия. Силится понять, не галлюцинация ли перед ним? А вот пить надо меньше...

В этой комнате раньше ночевали Ромул с Мелиссой, но сейчас в их постели бледным призраком красовалась я. Руки в лунном серебре, разметавшиеся по плечам волосы отсвечивают сталью, белоснежная шелковая сорочка... Сама бы перепугалась, повстречай я такое привидение!

– Я вас не побеспокою, – постояв минуту, с видимым усилием прохрипел профессор, развернулся и, пошатываясь, вышел вон. И на том спасибо.

Дверь мягко закрылась, тонко скрипнув. Послышались медленные, неуверенные шаги – Карпов спускался на кухню. Я дала себе обещание выкинуть происшествие из головы и тут же крепко, сладко заснуть. Размечталась.

Я продолжала сидеть на постели, держа палочку в руке и глядя на дверь. Тревожные змеи расползались по мышцам, отдавая холодом в позвоночник. Было что-то странное в его походке. И в голосе. И в глазах...

Я опустила босые ноги на дощатый пол. Пошла к выходу. И у самой двери наступила на что-то влажное и теплое. На лестницу я выскочила как раз вовремя, чтобы увидеть, как на противоположном конце медленно, завалившись назад, падает тело. Поскальзываясь на кровавом следе, я бросилась вниз.

Какой тяжелый! Толку от моей попытки схватить мужчину за плечи и смягчить удар не было никакого.

Столько крови, вся лестница...

Судьба сделала очередной злодейский финт. Только я всерьез решила заняться лекарским делом, как мне на руки упал едва живой пациент.

Где-то должна быть серьезная рана, но попробуй так сразу найди. В полутьме, в неверном лунном свете, да еще на черной рубашке...

– Очнитесь немедленно! – истерично приказала я, и добавила жалобно, погладив по небритой щеке: – И помогите мне, пожалуйста...

В носу неприятно покалывало от сдерживаемых слез, в горле стоял ком, мешавший говорить. Подол белой сорочки успел измазаться кровью, спутавшиеся волосы нависали над бледным демоническим лицом...

Так вот, как это бывает. У меня на руках умирал человек. Тот самый человек.

Карпов слегка приоткрыл глаза, одарив очередной порцией недоумения, к которому тут же добавилось сожаление.

– Ты снова мне снишься, пигалица? Бессовестная... Слишком красивая, чтобы быть настоящей, – слова давались ему с трудом. – Значит, дела совсем плохи.

– Покажите, куда вы ранены. Не понимаю... Откуда все это?

Он сдвинул брови и бросил на меня новый, куда более внимательный взгляд. Да настоящая я, настоящая! Затем медленно сжал мою ладонь в своей, притянул к животу и запустил под рубашку между пуговиц, к левому боку. Теплая кровь пульсировала и грела пальцы, упершиеся во что-то твердое, костяное...

– Лавасилиск... нижний клык... надо вытащить, – прохрипел Карпов с таким видом, будто предпочел бы умереть, а не подвергать себя подобной экзекуции. И я почти готова была ему это позволить.

Вот теперь самое время для паники. Лавасилисками именовали хищных ящериц-исполинов, бродивших в окрестностях Румынских дебрей (что Карпов вообще там забыл?). Их черная чешуя напоминала камни вулканической породы. Будучи в паршивом настроении, эти существа могли раскалить покров до красноты и метать огонь прямо из шкур. Казалось, что они извергают лаву. Но самым опасным оружием были клыки – серповидные, со множеством мелких зубрин, сантиметров по десять каждый. В них имелся канал, через который в тело жертвы доставлялся яд, мешавший крови сворачиваться...

– Да, надо вытаскивать. Пока он внутри, я не смогу остановить кровь, – монотонно заговорила я. – Нужно найти в аптечке обезболивающее... И магические щипцы... И кроветворящий раствор... И антисептик.

В голове стало прозрачно и холодно. Существовал план, вселяющий робкую надежду. Я побежала к серванту в кухне. Босые ноги, вымазанные в крови, скользили, оставляя на полу багровые росчерки.

Аптечка в Пункте Связи была не роскошью, а необходимостью: агенты сопротивления часто возвращались «с полей» покусанными, поцарапанными или попросту побитыми. Но, порывшись в серванте, я взвыла от ощущения преследовавших неудач. Куда все подевалось? На полупустых полках нашлись лишь снадобье для кроветворения, немного стерильной ткани и супербыстро-заживляющая мазь. В гостиной в барном шкафу стояла ополовиненная бутылка тролль знает чего.

Даже моя глупая оранжерейная головка, нафаршированная малиновым джемом, понимала: шансов на успех с таким набором маловато. Но пока я добегу до больничного отделения, мой первый серьезный пациент истечет кровью... К тому же Академия на ночь запиралась десятком сторожевых заклятий, и я не знала, как попасть внутрь с порога.

Карпов был в сознании. С нескрываемым интересом он наблюдал, как быстрыми движениями я расстегиваю его рубашку и оголяю торс. Не таким образом я предпочитала утолять свое любопытство...

Рана выглядела даже хуже, чем я успела нафантазировать. Укус пришелся в левый бок, под ребро, туда, где у обычных людей располагается селезенка. Зная о знаменитом бессердечии профессора, я имела право усомниться, что у него в наличии все остальные органы из стандартного набора. Отсутствие селезенки сейчас было бы очень кстати.

Мне резко подурнело, лоб покрылся чем-то липким и холодным, дышать стало трудно. Ну и какой из меня лекарь, если начинает мутить от вида крови? Первое же полевое испытание расставило все на свои места: госпожа Пламберри ошиблась насчет таланта.

– Я не смогу, – пессимистично покачала головой. – Тут нужен нормальный врач, а не ученица.

– Настолько все плохо? – прохрипел Карпов, пытаясь улыбнуться сквозь явно нестерпимую боль. – Никаких других врачей я тут не вижу. Я даже не уверен, что ты настоящая.

Я оторвала взгляд от раны. Определить его настроение было трудно. Может, ему не хотелось видеть меня такой испуганной, опечаленной, озабоченной. А может, наоборот, было это приятно.

– Почему вы не пошли в Академию? Там Мари, и снадобья... Она бы с этим разобралась... – сглотнув особенно крупный слезный ком, просипела я.

– Я не всем там доверяю. Нельзя, чтобы шпионы Братства узнали, где мы ищем... И что находим...

Все это сильно напоминало паранойю. Но из недавнего урока дриады я знала, что лавасилиски водятся только на одном небольшом участке, к юго-востоку от Румынских Дебрей... Во что вы вляпались, профессор?!

– Знай я, что ты здесь, я бы никогда... не притащил с собой мрак... с той стороны... – Карпов прикрыл глаза и начал бредить. – Хрупкое, нежное создание... Надо оберегать от тьмы...

– Замолчите и выпейте, – резко оборвала я приступ благородного помрачения рассудка и влила в непослушный рот кроветворящее снадобье. – И не надо так морщиться, оно позволит вам умереть чуть позже. Без вас я не сдам промежуточный экзамен.

Дурнота начала отпускать. Я торопливо смывала грязь с кожи вокруг раны, стараясь поменьше глядеть на кровь, медленно сочившуюся из-под торчащего клыка. Он выдавался из тела всего на пару сантиметров, и я не представляла, как его захватить и вытащить без магических щипцов. Скругленный конец уходил глубоко внутрь, под ребро, и цеплялся за мясо костяными зазубринами.

– Щипцов нет. И обезболивающего тоже, – осмелилась я, наконец, сообщить неприятную новость. И указала на бутылку. – Есть только это.

– Превосходно. Могла ли ты сегодня утром представить, что выпадет шанс меня пытаться?

– Если бы я только знала... Весь день провела бы в предвкушении сладкой мести, – нервно пробормотала я. Затем открыла бутылку, плеснула немного на рану и протянула Карпову. – Пейте.

Пока он неторопливо вливал в себя адский напиток, я из-под ресниц разглядывала мертвенно-бледное тело. Хоть какая-то отрада в беспросветно мрачном ночном приключении! Гладкий торс украшали две ритуальные татуировки. Одна – вереница незнакомых символов и рун – спускалась слева от шеи к груди. Вторая располагалась внизу живота справа. В таком ракурсе было понятно, что это вовсе не дракон, а скрученная в причудливую спираль змея, частично уползшая под ремень брюк.

На шее висел серебряный медальон, внешне простой, но очень древний. Изображение напоминало фамильный герб – раскрывшийся цветок лотоса с воткнутым в него рыцарским мечом.

Полуголый мужчина, темнота, девица в шелковой сорочке... В такой двусмысленной ситуации я еще не оказывалась. Если бы не кровь, разлитая по всей лестнице, и не клык, торчавший у «парня» из живота, обстановку можно было бы считать почти интимной.

– Не увлекайтесь, – пробурчала я, отобрала бутылку, ухватила костяной шип двумя пальцами и без предупреждения потянула.

Демон страшно рыкнул и откинул голову на ступень, вот только клык не подался ни на сантиметр. Еще две попытки окончились так же безрезультатно: кость попросту выскальзывала из пальцев. Это все больше напоминало пытку, и я снова начала жалеть, что выбрала лекарское дело в качестве будущей профессии.

– Простите, я не специально, – пробормотала я, виновато глядя в наполненные мукой черные глаза. – Он, наверное, за ребро зацепился.

– Я знаю, что не специально, Анна, – окончательно забыв про формальности, с легким недоумением прошептал Карпов. – Сядь рядом. Надо по-другому, так без щипцов не вытащишь.

Не спрашивая, что задумал профессор, я примостилась на лестницу справа от него. С видимым усилием Карпов приподнялся, обхватив меня за плечо. Я сразу же проверила клык: на удивление, в таком положении он поддавался. Но тянуть было неудобно, и тот упорно выскальзывал из рук.

– Не торопись. И сядь ты уже нормально.

Как это «нормально», я поинтересоваться не успела. Скривившееся от боли лицо, несколько резких движений, задранный подол сорочки, схваченное бедро... Не успела протестовать, как уже сидела верхом на коленях у раненого мужчины. Кожа на щеках закипела от нахлынувшего румянца. Спрашивать у крестного, входит ли это в учебную программу, точно не рискну...

Чтобы не завалиться обратно, Карпов обеими руками оперся о ступени, добровольно подставив свой живот на растерзание.

– Так ведь удобнее пытаться, верно? – от него ощутимо пахло содержимым бутылки, и черному веселью нашлось объяснение. – Но надо еще кое-что сделать... Раз уж нет магических щипцов. Только не пугайся слишком сильно... И постарайся не упасть в обморок.

Сжав мои пальцы своими, он с судорожным свистящим вдохом медленно просунул их вглубь раны, помогая крепче захватить шип. Дурнота мокрыми, склизкими водорослями обмотала тело. Ручеек, вытекающий из дыры в теле, становился шире, и шире, и шире... Карпов дышал прерывисто и еле слышно. Я же не дышала вообще.

– Постарайся вытащить быстро. Через пару минут я потеряю сознание, и придется скушать в одиночестве, – осипшим, безликим голосом произнес мужчина. – Не хочу, чтобы после этого тебе снились новые кошмары.

– Боюсь, кошмаров мне уже в любом случае не избежать.

Взгляды встретились. По решительно горящим черным глазам поняла, что он готов к очередной экзекуции. Я больно укусила губу и уставилась на рану. Проблема в том, что я к этому определенно не была готова!

Выдохнув, тихонько потянула клык. Все бы отдала, лишь бы вытащить его скорее, но из-за зазубрин приходилось часто останавливаться. Вот новость: не так уж сильно я желала профессору смерти и всяческих мучений.

Действие кроветворящего снадобья начинало угасать. Я видела, что Демону все труднее держать себя в вертикальном положении. Руки незаметно, но подрагивали, а кожа совсем побелела.

– Черт бы вас побрал... С вашими дебрями и троллями... – причитала я, умывая солеными слезами демоническую грудь. – Училась бы себе в «Эншантели»... Пекла бы круасаны... Варила бы дурацкий конфитюр...

– И еще крем от прыщей... И носки можно штопать! – с хриплым, каркающим смехом прошептал он на ухо, зарываясь носом в волосы и шумно вдыхая.

Из его рта вырвался тихий стон, но не боли, а будто бы наслаждения. Слово аромат помогало ему забыться. Но ничем особо приятным и дурманящим я точно не пахла, обычным лавандовым мылом.

– Целую гору носков... И море лукового супа... Он опять застрял! – дрожащим от слез голосом возмутилась я. – Я же дестинка... Где мое везение?

– Да выдерни ты его, подумаешь, зацепит что-нибудь. Наверняка там много лишнего.

До шуток ли было? Я резко потянула, и клык выпрыгнул еще на сантиметр. С диким рыком профессор зажал мое плечо зубами. Секунду спустя он отпрянул, но было поздно – по бледной коже расползался кровоподтек. Карпов уставился на него с недоумением и ужасом: было ясно, что завтра здесь будет роскошный синяк.

– Прости... Я не хотел.

– А еще на Энди наговаривали, – осуждающе покачала я головой, захлебываясь от смеси слез жалости и боли, и грустно улыбнулась. – Кусайте, если помогает. Я потерплю. Это даже как-то... в чувство приводит.

Демон странно посмотрел на меня и сглотнул. Лицо Карпова стало совсем белым, обескровленным. Как он до сих пор оставался в сознании?

Я снова схватила за клык. И почему на последнюю пару сантиметров приходится самые кривые зазубрины... Мало что ли лавасилискам воспаляющейся шкуры?

Воспользовавшись щедрым предложением, Карпов прислонился щекой к моей шее. Неровное, горячее дыхание на коже, легкое прикосновение разжатых зубов... Нет, правда, пускай кусает. Меньше шансов, что я упаду в обморок от подкатывающей дурноты. Хуже мне все равно не будет...

Неожиданно дернувшись, клык подался на сантиметр. Со звериным рыком Демон сжал кожу губами и сильно, яростно поцеловал. Грубо скользнув рукой по спине, припечатал к себе. Я не отпрянула, но совершенно оторопела. Мы же кусаться договорились?!

Он не остановился, а я... Я была не против. Шея разгоралась от неистовых прикосновений. Внутри разливалось непривычное тепло. Тело дрожало в странном, сладком предвкушении...

Клык выскочил, и на ладонь хлынула теплая кровь. Остаток сил вложила, чтобы зажать рану рукой. Хватка ослабла, горячий рот оторвался от шеи, и Демон безвольно откинулся на ступени.

С какой бы радостью я тоже завалилась без чувств у подножья лестницы! Ошарашенная, покусанная, зацелованная, окровавленная, перепуганная... я методично прочищала рану, обрабатывала заживляющей мазью и плотно зажимала стерильной повязкой.

Потом плакала. Вливала в бездвижное тело новую порцию кроветворящего раствора. Заставляла проглотить. Гладила по шершавой щеке. Смотрела, как по белой материи расплзается кровавая клякса... И начинала все по кругу – промыть, намазать, зажать.

Дыра затягивалась неохотно, а других средств под рукой не было. Поэтому... Промыть. Намазать. Зажать... Не факт, что хоть один из нас двоих доживет до утра.

Может, через час, а может, и через два, рана соизволила затянуться, покрывшись розовыми рубцами. Кожа из мертвенно-белой превратилась в бледно-живую. Я набросила на Карпова нелепый клетчатый плед, обнаруженный в шкафу гостиной, и поплелась заварить кофе. По пути присела на ковер у камина и подумала, что неплохо бы развести огонь...

– Маленькая... Девочка моя... Ты...

Закапав слезами мои щеки, миссис Абрамс изобрела новый способ пробуждения. Весьма эффективный, но не сказать, чтобы приятный. С затекшим всем я валялась на ковре у камина, прижимая к груди колени в окровавленной сорочке. Я не сразу вспомнила, как оказалась на полу и куда шла. А потом подскочила так резко, что голова чуть не оторвалась от шеи.

– Андрей?!

– Живой он, живой... Хоть ему и не положено, – глотая слезы, не выпавшие на участь моих щек, заверила Джулия и загадочно улыбнулась. – Ромул и Артур перенесли его в Академию. Там хоть какие-то снадобья... Иди погрейся в ванну, а я пока заварю кофе.

Было неловко признаться, что я и так чуть не померла этой ночью от страха и тревоги. И отравление дурно сваренным кофе станет верхом несправедливости. Поэтому я выкупалась, переделалась и принялась послушно вливать в себя заботливо приготовленный токсичный напиток.

Глава 2. Избранная жертвой

Первым я победила желание броситься ему на шею, вторым – стремление хорошенько дать по бледной физиономии за прогулку по Румынским Дебрям. Моей внутренней борьбы, впрочем, никто не заметил. Карпов умиротворенно спал под мерцающим восстанавливающим куполом, умело распахнутым Мари.

Протиснувшись в стрекочущее энергетическое поле, я провела ладонью по небритой щеке. Нужно было убедиться... Теплый. Дышащий. Живой. Мужчина шевельнулся, и я не придумала ничего лучше, чем одернуть руку, выскочить из-под купола и со слоновьим топотом вылететь из больничного отделения.

За завтраком выяснилось, что доблестный профессор Карпов на выходных повздорил с каким-то старым знакомым и получил «колотое ножевое» заклятье в живот. Чем встреча закончилась для второго парня, не уточнили. Зато учеников попросили проявить терпение и пережить несколько дней без всеми любимых дисциплин. Студенты заглушили речь крестного восторженными проявлениями «сожаления».

Со мной о произошедшем никто не говорил. Только Артур выписал освобождение от сегодняшних занятий, но в Пункт Связи пойти запретил. Объяснять не стал, но я догадалась, что дело в залитой кровью лестнице.

Мари обнаружила меня в коридоре второго этажа, молча наклонилась к себе, ласково клюнула в макушку и сунула в карман крошечный аметист. Джен бы этого не одобрила. Единственная посвященная, рыжая язва больно пихнула меня за обедом и заявила, что за такой «излишний энтузиазм» надо наказывать и отправлять драить подвалы.

– То есть твоя идея ломануться в заброшенное имение была лучше моей? – сиплым баритоном кудахтал крестный. – Залезть в гуцу Румынских Дебрей? Рисковать жизнью? Напороться на клык лавасилиска?

Заглянула в дверную щель: Артур нависал над профессором и возмущенно махал руками. Я снова оказалась в ненужном месте в ненужное время!

– Лавасилиск был позже... Решил побродить вокруг, мало ли... В самом поместье пусто и пыльно. Если Кристиан что-то там и хранил, то давно.

– Почему не пошел в Академию?

– Интуиция, – хрипло пробурчал Карпов. – Не хотел, чтобы братья вспомнили, что я тоже бывал в прежней усадьбе Расковых... Мы слишком отстаем от них, Артур. Даже крошечная тайна теперь преимущество.

– У нас есть способ их догнать. И сегодня понедельник.

– Ты меня видел?

Демон красноречиво поморщился, окинув взглядом перевязанный живот. Он уже не казался таким бледным, как утром. Или дело было в рыжем закатном освещении.

– Ничего, к четвергу Мари поставит тебя на ноги. Не то что бегать, танцевать сможешь! Ты согласен?

– Да.

Под ребрами больно кольнуло. Я не знала, что придумал крестный, но вдруг отчетливо поняла, что мне это тоже не понравится.

Во вторник от занятий меня никто не освободил, и я, придирчиво осмотрев себя, горемычную, в зеркале, медленно поплелась к лестнице. Может, бешеный водопад на голове никто и не заметит...

– Это акция протеста? – съехидничал Пит Кавендиш, ткнув пухлым пальцем в мои волосы. – Карамзина упадет в обморок. Я хочу это видеть! У тебя ведь тоже сейчас «Практическая магия»?

– Она самая... – проворчала я и надменно обошла болтливого приятеля.

Ладно, допустим, кто-нибудь заметит.

– Мисс Дэлориан, на минуту, – окрикнул меня густой, властный голос.

Спина Карпова неспешно поднималась в его кабинет.

– Как вы себя чувствуете? – спросила, нагнав преподавателя.

Он шел медленно и осторожно, было понятно, что рана еще причиняет боль.

– Снадобья госпожи Пламберри творят чудеса, – уклончиво ответил Карпов. – Завтра вернусь к работе.

– Вот студенты порадуются!

– Правда, дополнительное занятие лучше перенести на пятницу, если вы не против... Есть кое-какие неотложные вопросы.

– Не волнуйтесь, я не успела по вам соскучиться, – буркнула я.

Не стала добавлять, что после подслушанного разговора еще трижды навещала Демона в больничном отделении, пока он спал.

– А я по вам успел, – то ли всерьез, то ли шутя заявил мужчина. – Вы собираетесь пойти к Карамзиной в таком виде?

И этот туда же! Ну и что с того, что волосы самым безобразным образом растрепаны по плечам и топорчатся потревоженными змеями? Такие нынче чудовищные моды.

– Она выставит вас из аудитории.

– Ну и пусть.

Не могла я сегодня убрать волосы – ни наверх, ни куда-нибудь еще. Мы дошли до его кабинета, и Карпов жестом пригласил войти. Детектива решила не включать и просто послушалась.

– Встаньте у окна и дайте мне минуту.

Профессор отошел к серванту и принялся что-то там искать. Я присела на подоконник, а затем соскочила с него ужаленной кошкой и переместилась на стол. К счастью, Карпов моего акробатического этюда не заметил.

В углу под оконной рамой, одиноко брошенная, но не выкинутая, лежала она. Перламутровая, округлая, на серебристой ножке. От моей блузки! Я вернулась за оторванной пуговицей в оранжерею на следующий день. Думала, пришью и забуду. Но не нашла – ни на каменном полу, ни в контейнерах с цветами. Решила, под столы закатилась... А она аж до демонического подоконника допрыгала!

Пока я недоумевала, Карпов выудил из серванта крошечную бутылочку с золотой маслянистой жидкостью и вернулся ко мне. Аккуратно убрал волосы с левого плеча, перекинув на правое. Обнажилась шея, а вместе с ней, уж понятно, и целая плеяда желто-фиолетовых кровоподтеков, уходящая под низкий кружевной воротник. Карпов провел пальцем вдоль синяков, всем видом выражая сожаление. Не стала мешать его чувству вины наглым заявлением, что «вообще-то было даже приятно».

Затем он принялся расстегивать блузку.

Дернуться я бы не смогла, даже если бы захотела, – настолько оторопела от раздевания среди бела дня. Остановившись на середине, сдвинул воротник влево. Композицию из синяков завершало багрово-синее пятно с отметинами зубов по краям. Знаю, красавица, хоть сейчас замуж выдавать.

Карпов открыл пузырек, плеснул несколько капель себе на ладонь и легкими, поглаживающими движениями стал втирать в поврежденную кожу. Ну вот, приехали...

Прикусив язык, губу и все остальное, что попало под зубы, я постаралась не дышать. И заодно не думать о том, как приятно теплые пальцы скользят по шее. Получилось слабо, но от блаженных стонов удалось воздержаться.

Запах сандала и незнакомых цветов волновал и кружил голову. Я чуть не заорала, чтобы он немедленно прекратил это издевательство. А потом испугалась – вдруг правда прекратит?

– Достаточно, – удовлетворенно сказал Карпов через пару минут, вернул на место воротник и педантично застегнул все пуговицы. Слякка с маслом опустела наполовину. – Идите. Карамзина вас ждать не будет.

Выйдя из кабинета, я, наконец, смогла сделать нормальный, полноценный вдох. Прислонилась к перилам, пытаясь оправиться от странного ощущения. Внутренности скрутило морским узлом, сердце беспокойно скреблось о ребра. Ну и что, скажите на милость, со мной происходит?

...Перед уроком забежала в уборную и встала перед зеркалом. Медленно убрала волосы назад, отодвинула воротник... С сияющей поверхности на меня смотрела идеально чистая кожа – ни синяков, ни укуса. Даже разгладилась да разрумянилась от волнения.

Иногда дружить с чудовищами件 полезно. И, что себя обманывать,件 приятно.

Всю Практику сражения Рашель и Кристина недовольно пыхтели. Мол, госпоже Пламберри стоило приберечь свои быстродействующие снадобья для более незаменимой персоны. Я же облегченно выдохнула, заметив, что Демон двигается в разы свободнее, чем вчера, и уже не морщится при поворотах. Моя наставница, и впрямь, мастер на чудеса.

Потом вспомнила, что мне тоже полагалось бы пыхтеть, возмущаться и закатывать глаза... В какой именно момент все пошло под откос, я так и не поняла. Но изменения тревожили.

Вечером я попыталась отвлечься на свое заброшенное расследование. Даже достала из-под подушки блокнот и снова пробежалась по нераскрытым тайнам. Можно дополнить графу о мифической войне сведениями от Карпова – о его друге Кристиане, потерянных рукописях, тайном братстве и крестном, коллекционирующем древние ритуалы...

Но вместо этого уставилась на цветастую Аврору, погрузилась в неуместные воспоминания, пропитанные ароматами крови и виски, и принялась машинально карябать блокнот карандашом. Спустя полчаса с белого листа на меня глядели два черных внимательных круга.

Дикий вопль ранил уши. Звуки суеты, падающих одеял, прыжков по кроватям и торопливых шагов заполонили пространство. Казалось, зашевелился огромный муравейник.

Но нет, это была все та же комната на семерых девиц. Правда, теперь я в ней осталась в единственном экземпляре. Судя по визгу из-за двери, мои соседки столпились в коридоре. По инерции я было двинулась за ними, но нервный возглас заставил замереть.

– Стойте, мисс Дэлориан! Не ступайте на пол!

Кричала Карамзина. Она маячила у порога с обеспокоенным лицом, заспанным и слегка помятым.

Кто-то запустил в потолок десяток белых шаров, и мрак отступил. В мерцающем свете проявилась темная лужа: она облизывала широкими краями мою кровать и тянулась до самого выхода. Потолок будто баллончиками изрисовали – какие-то корявые символы нависали прямо над головой.

Подруги, видимо, прыгали с кровати на кровать, пробираясь к выходу. Моя же койка стояла особняком у окна, метрах в трех от ближайших соседок. На такой прыжок с места рассчитывать не приходилось.

Газ в световых шарах разгорался все ярче, комната проступала все четче... И лужа, и символы оказались красными. Я не удивилась, потому что по запаху давно поняла, что окружена кровью.

Сознание принялось брыкаться, надеясь оторваться от тела и улететь в мирные, спокойные дали... Но напоследок адская комнатка преподнесла ему еще один сюрприз. На моем одеяле в неестественной позе лежало животное. Когда-то шерсть кошки была белой, а глаза голубыми. Сейчас же вокруг горла расплзлось розовое пятно, а взгляд остекленел. Ногам было липко и холодно. Судя по степени оцепенения, кошка давно истекла кровью... прямо на мои ступни.

Дальше все было как в бредовом тумане. Посмотрела влево – увидела на полу мертвую крысу. Вправо – там валялась убитая курица. Позади меня, на подоконнике, с распростертыми крыльями лежал ворон. Ужас сковал тело. Я наконец-то собралась закричать, но рот больше не повиновался. Губы задрожали, и все вокруг поплыло.

Где-то далеко, полностью расфокусированные, мелькали силуэты. Сознание услужливо описывало происходящее, но разум отказывался вникать в детали. Вроде бы в комнату заглянул Валенвайд, но с озверевшим видом отшатнулся, пробормотав «Мне тут нельзя находиться. Прости, Ксения».

В проеме возник Осворт, шумно втянул воздух и подтвердил опасения Карамзиной: «Свиная... Идеально для зачарования. Не пускай никого. Надо проверить на проклятье. Потерпите, Анна, еще немного». Прошаркал по коридору старик Эйвери, озабоченно кряхтя и опрашивая соседок.

А я просто сидела, парализованная страхом. Стоило сбросить с ног это жуткое одеяло... Но мысль о том, что ждет под ним, пугала сильнее. Руки и плечи ооченели. Сколько прошло с предупреждения Карамзиной – пятнадцать минут или полчаса? На мне была тонкая трикотажная майка и такие же пижамные шорты, но сейчас бы я не отказалась от свитера и шерстяных носков.

Где-то вдалеке шел оживленный спор, разрываемый негодующими возгласами. Потом на мгновение гул стих, а секундой позже тишину пререзал истеричный крик Карамзиной:

– Андрей, ты что творишь? Кровь может быть проклята!

Но непослушный темный силуэт стремительно пересек комнату, смачно ступая ботинками прямо по луже, и остановился возле моей кровати.

– Не задалась у вас ночка, да?

«И не только эта... У меня с «ночками» вообще проблемы...» – хотела ответить я, но губы открылись и закрылись молча.

Карпов сдернул одеяло и отшвырнул на пол, дохлая кошка улетела тем же путем. Из моего рта вырвался жалобный стон. Голые ноги измазались в крови мертвого животного по колено.

– Смотрите на меня. Мы разберемся с этим, слышите? – голос был привычно резким и отрывистым, но теплые, бархатные нотки заставили поднять глаза. – Я с этим разберусь.

Необычно взволнованный, Карпов потянулся ко мне. Я горько улыбнулась: похоже, он решил исполнить свою давнюю угрозу. Я позволила подхватить себя и вытащить из постели. А потом в панике вцепилась когтями в черную рубашку и уткнулась лбом в горячую шею. И пусть думает, что хочет. Страшно мне. И холодно.

Демон протестовать на стал. Наоборот, теснее прижал к себе, наклонил голову к уху и пробормотал:

– Похоже, вы все-таки успели по мне соскучиться? Давайте-ка отсюда выбираться...

Снова прошлепав по кровавому озеру, профессор вынес меня в общий коридор. Свидетелей моего полета на демонических лапах было предостаточно: соседки, преподаватели, другие ученики. Все бесшумно и оцепенело толпились у двери. Видимо, ждали ректора Кроу, который почему-то не спешил спасти свою крестницу.

Увидев мои окровавленные ноги, Вика и Кристина вскрикнули и отшатнулись. Подумали, что я ранена. Но сил переубедить их не было, а «пугаться иногда полезно». Я и сама была в ужасе: машинально скребла грудь профессора ногтями, дрожала и тихо всхлипывала в пахнущую полынью шею. Это был мой максимум продуктивных действий.

Мысль о том, что вот сейчас Карпов поставит меня на пол и пойдет совещаться с коллегами, невыносимым грузом плавала в желудке. Но план был другим.

– Я вернусь, – тихо бросил он в сторону Карамзиной и понес меня к лестнице.

– Что ты задумал? – подбежав, торопливо зашептала Ксения Игоревна.

– Здесь ей не место. Сказал же, вернусь.

– Пускай уносит, – прокряхтел откуда-то сзади Айзек Эйвери. – Мисс перепугана, толку с нее сейчас? Утром поговорим обстоятельно...

Дернув плечиками, Карамзина кивнула и выразительно опустила глаза. Демон проследил за ее взглядом и крепко выругался – пару раз я уже слышала в его исполнении нечто подобное. Либо ситуация была крайне нервной, либо он очень любил свои туфли: за обувь через весь коридор тянулся кровавый след. Секунду поразмыслив, Карпов скинул ботинки.

Походка сразу стала мягкой и пружинящей. Если его и беспокоила рана, то виду профессор не подавал. Мыслей не было, только ощущение: мрак подступил совсем близко, но сейчас я в безопасности.

Мы поднялись на четвертый этаж и отправились в крыло для преподавателей. За одной из дверей обнаружилось темное помещение. В нос ударил аромат душистых трав и цветочного мыла. По влажному воздуху и мраморному гляncу стен догадалась, что это нечто вроде огромной ванной комнаты. Профессор зажег пару напольных ламп, мрак начал рассеиваться, оставляя сгустки тьмы в уголках купальни.

Ох, Аврора! Место было поистине роскошным... Стены и пол из белоснежного мрамора с серыми прожилками. В центре на постаменте – небольшой круглый бассейн, отделанный золотой мозаикой. По бокам – медные, деревянные и каменные купели со сложным оборудованием, какими-то бронзовыми трубками, вентилями, гибкими шлангами... Древние аналоги современных джакузи?

На стенах в позолоченных рамках висели картины, целомудренно изображавшие прелести банной жизни. Из ниш выглядывали стопки пушистых полотенец и стайки стеклянных пузырьков с мыльными растворами. Не будь я в истерике, пришла бы в восторг.

Подкинув меня и поудобнее перехватив, Карпов двинулся к одной из ванн. Он выбрал красивую чашу из коричневого мрамора, с широким плоским бортиком, и посадил меня на край купели. Окровавленные ноги перекинул внутрь и что-то пробормотал.

Страх по-прежнему застилал сознание, и я ничего не поняла. С языком жестов и выразительных взглядов получилось лучше, и до меня дошло. Впившиеся в смятую рубашку пальцы едва не разорвали ее на лоскуты.

– Боюсь, вам придется меня отпустить... на некоторое время, – наконец, расслышала я в вязком тумане голос Карпова.

Избавившись от цепких пальцев, профессор отошел к одной из ниш, и через минуту вернулся с лиловым пузырьком и полотенцем. Затем открыл несколько вентиляей, и из отверстий на дне ванны стала подниматься теплая булькающая вода. От крови она тут же окрасилась в розовый цвет...

– Стойте! Вы куда собрались? – заворчал мужчина, подхватывая меня за пару секунд до падения на пол.

Откуда я знаю, куда? Туда... Сознание уплывало. На бортике хватило места для двоих. Ногам стало горячо, и я ненадолго пришла в себя. Гибким душевым шлангом с меня смывали остатки крови. Вот и славно. Они, действительно, стали чище, хотя мерзкий запах продолжал стоять в носу, а перед глазами прыгали красные пятна.

– Давайте я сама... – вяло предложила я, увидев, как Карпов открывает стеклянный пузырек и щедро поливает мылом голени. И тут же снова начала заваливаться на бок...

– Сами вы пока только падать можете, – буркнул Демон и провел теплой ладонью от левого колена до щиколотки, и дальше к пальцам, и по ступне...

В комнате запахло сиренью, лавандой и чем-то, похожим на шалфей. По коже, пополам с мурашками, заструилась мягкая лиловая пена. Я даже забыла, по какому жуткому поводу мы собрались в этом роскошном месте.

– Я же обещал, что разберусь с этим, – спокойно сказал Карпов, всем своим хладнокровным видом демонстрируя, что ничего необычного и внепрограммного не происходит. И принялся мучить нежными прикосновениями правую лодыжку. – Ваши ноги имеют неприличную длину, вы в курсе?

По моим ощущениям, на эту «банную процедуру» у него ушло никак не меньше пяти минут. Согнав водяной струей остатки мыльной пены, профессор критически осмотрел ступни и остался доволен результатом. Ноги стали чистыми и благоухающими, едва не блестя. Карпов перебрал их через бортик и развернул махровое полотенце. Способность удивляться у меня самоликвидировалась еще на предыдущем этапе, поэтому я послушно подставила ему мерзнущие на сквозняке пятки.

– Куда мы идем? – поинтересовалась, продолжив путешествие в демонических лапах.

– Иду здесь только я, – хмыкнул профессор, и туманно добавил: – Мы направляемся в самое безопасное место в Академии.

Двигались мы не к лестнице, значит, спускаться не планировали. Ладно, допустим, я догадалась. Теперь-то пора прийти в ужас? Но вместо паники испытала волнуемое предвкушение. Через минуту со мной на руках Демон проскользнул в хорошо знакомый кабинет. А потом открыл следующую дверь – и мы оказались в смежной профессорской спальне.

– Страшно? – коварно усмехнулся Карпов.

– После дохлой кошки, кровавой лужи, клыка в вашем животе и подвала номер два? Не надейтесь, что вам удастся запугать меня сильнее...

Аккуратно опустив на постель, он быстро накинул на меня одеяло. Кровать была застелена слегка смятым, но еще хрустящим бельем черного цвета, что не слишком-то удивляло.

– А вы где планируете спать? – скептически поинтересовалась я.

Несмотря на ужасы «кровавой ночи», мозг пока способен был осознать волнительность ситуации.

– Имея в виду инцидент на третьем этаже... Не думаю, что мне сегодня повезет сомкнуть глаза, – спокойно, но без улыбки произнес профессор. – Так что располагайтесь... Здесь вас точно искать не станут, и до утра удастся избежать ненужных расспросов.

Присев на кровати, я поплотнее укуталась в одеяло. Тепло, уютно, почти даже не боязно... Только под ногтями откуда-то взялась свернувшаяся кровь.

– Это я сделала? – нервно выдавила из себя, обзревая растерзанную черную рубашку.

– Судя по всему, вид моей крови вас успокаивает, – съязвил Карпов и застегнул одежду.

Вспомнилась ночь на лестнице, которая тоже «не задалась». Успокаивает, не то слово... Сплю и вижу, как бы снова пальцы в чей-нибудь живот запустить.

– И ботинки вы свои испортили...

– Невосполнимая потеря! – с серьезным видом произнес преподаватель. – Придется вам это как-нибудь компенсировать... Потом придумаю, как.

Он отошел к серванту, достал оттуда зеленый стеклянный сосуд, нацедил в стакан бордовой жидкости и протянул мне.

– Вот, выпейте немного. Поможет крепче заснуть.

– Что за снадобье? – спросила я, согревая руками стекло.

Жидкость пахла ароматно – цветами и фруктами. Я сделала глоток.

– Вредное успокоительное зелье... – с ехидной ухмылкой сказал Карпов, и со вздохом добавил: – Не вздумайте никому рассказывать, а то мне светит трибунал.

– А то он вам без "зелья" не светит...

Постояв с минуту в нерешительности, Демон наполнил второй стакан и, пригубив, уселся на край кровати.

– Ну и что все это может значить? – напряженно и озабоченно спросил он. – Есть мысли?

– Не похоже на злую шутку. Если кто-то хотел меня запугать, то не слишком ли хлопотно?

Представила себе жуткую картину, словно наяву, и очень порадовалась, что убралась из той спальни.

– Это не шутка, мисс Дэлориан, а что-то очень серьезное.

– Вы догадываетесь, что...

– Умеете читать по глазам?

– По вашим – да. Рассказывайте.

Я отхлебнула напиток, краем сознания отмечая, насколько все происходящее неправильно. Но всем видом демонстрируя, что готова внимательно слушать.

– Напоминает старинный темный ритуал «Жертва на дикой крови», – нехотя признался мужчина. – Его не практикуют уже лет сто. Инструкций в учебниках не найти. Но Академию на ночь защищают мощными заклятиями, и вторжение Эйвери сразу бы заметил, стало быть, это...

– ...сделал кто-то из своих, – завершила я неприятную мысль. – Как такое возможно?! Для чего служил ритуал?

– Таким образом помечали избранную жертву, – Карпов поморщился. – Давали ей время подготовиться, очиститься и завершить свои дела, прежде чем...

– Договаривайте уже...

К горлу подкатила тошнота, так как все варианты ответов меня решительно не устраивали.

– ...пустить ей кровь.

Токсичным облаком над нами повисла тишина. С нескрываемым волнением профессор заглядывал мне в глаза, готовый ко всему – к истерике, крикам, обмороку... Но явно не к последовавшей реакции.

– Хорошо, что они хотя бы предупредили, – я сглотнула едкий комочек слез и запила его "вредным успокоительным зельем".

Тут же почувствовала себя вымотанной и сонной. По телу расплзлся хмель, и мысль о мягкой постели была единственно значимой. Вернув профессору стакан, я с блаженным стоном откинулась на подушку.

Мысли мягко укутал запах чистоты и летних трав, согретых солнцем. Поплотнее натянув на себя пушистое одеяло и разметав черные волосы по такой же наволочке, я слегка прикрыла глаза. Весь мой вид должен был сказать недоброжелателям, что перед принесением себя в жертву я планирую хорошенько выспаться.

Одарив очень странным взглядом, от которого внутри все разволновалось, Карпов медленно встал с кровати. Он еще немножко посмотрел в мою сторону, а затем, одобрительно хмыкнув, направился к двери.

Едва он отошел, в тело вернулись холод и страх, и чувство защищенности начало испаряться. Не хотелось оставаться одной и терять мрачного собеседника.

– Вы меня обманули, – мой возглас заставил его обернуться уже на выходе. – Это не самое безопасное место, сэр.

– И где же оно, по-вашему?

– Самое безопасное – рядом с вами.

Он едва заметно улыбнулся и вышел за дверь.

Ожидалось, что я засну через секунду, едва закрою глаза. Но не тут-то было. Станный взгляд, которым наградил меня напоследок профессор, не давал покоя. Я лежала в его постели, окутанная черным бельем и ароматом полыни, и мысленно сверлила дырку в темном потолке.

Мозг услужливо намекал, что, если уж и думать о чем-то, то о жутких символах в спальне на третьем этаже, о мертвых животных и о людях, желающих принести меня в жертву. Тем для размышления масса! Но нет, все мысли сконцентрировались на взгляде моего преподавателя.

Что, черт возьми, он означал?

Со стороны выглядело так, будто Карпов только в этот момент разглядел всю картину целиком, и был слегка ошарашен... ну, «произведением искусства». Его спальня, смятая постель, а в ней – девушка, расстелившая длинные волосы по подушке. Эти черные глаза... Они сожалели, что вынуждены возвращаться к Карамзиной и расследовать вопиющий случай магического вандализма. Они желали остаться – здесь, со мной, в этой самой постели. Я это видела совершенно ясно. И вряд ли мужчину интересовали крепкий сон и разговоры по душам.

Повернувшись на бок, я поглубже закопалась щекой в подушку. Пожалуй, я бы не возражала, если бы он захотел остаться. Внезапная мысль и пугала, и волновала... Я бы даже не отказалась, чтобы он меня обнял и согрел своим теплом. Это подарило бы ощущение безопасности, которое улетучилось, едва Демон вышел за дверь.

Ладно, дело не только в безопасности. Вообще не в ней. В конце концов, мне известно, какими жаркими и нежными могут быть эти губы, когда им позволяют. И вот с этими неуместными мыслями я провалилась в сон...

...Сквозь туман дремы слышала тихие шаги. В панике заметалась по кровати, уверенная, что те, кто пришел, захотят вернуть меня в «кровавую спальню». Заставят лечь в постель сдохлой кошкой и принесут в жертву десятком изощренных способов. Наверное, я продолжала спать или начала бредить. Задыхаясь от ужаса и тихонько постанывая, я пыталась стряхнуть с себя жуткий кошмар... и не могла.

Голову накрыла теплая рука и стала ласково поглаживать по волосам. Это простое движение успокаивало, и через какое-то время я притихла и заснула. И больше мне не приснилось никаких ужасов.

Рассвет храбро продирался сквозь плотные черные шторы, но его старания были тщетны. Утром в спальне Карпова было почти так же темно, как ночью. Обычно я плохо спала на новых местах, но эта комната стала исключением. Я прилично выспалась, а открыв глаза, сразу поняла, где оказалась.

Ночью у меня был посетитель. На это красноречиво намекали тарелка с холодными сэндвичами и чашка с остывшим чаем. И мое бордовое платье, невероятным образом прилетевшее на спинку кровати. И черные лаковые туфли на полу. А еще – записка, сопровождавшая импровизированный завтрак:

«Не думаю, что вам захочется спуститься в общий зал. Там сейчас слишкомлюдно, и все обсуждают ночное происшествие».

Ну, чем не Белль из «Красавицы и Чудовища»? Помню, ее тоже держали в замке взаперти, но стабильно подкармливали и снабжали модными нарядами. Правда, у Белль была компания, и мне сейчас очень не хватало говорящего канделябра.

Имелось и еще одно отличие между мной и сказочной красавицей. Ее чудовище в итоге превратилось в принца, мое же планировало остаться монстром на веки вечные.

Отщипывая от сэндвича кусок за куском, я восстанавливала в памяти события прошлой ночи. Воображение будоражили не столько кровавые сцены, сколько последующие приключения. Если трупы животных хоть как-то укладывались в мое представление о возможном, то все

остальное... Меня носили на руках, мыли в ванной, вытирали полотенцем, поили "вредным зельем"... И в итоге я проснулась в постели мало знакомого мужчины.

Подумаешь! Обычный вечер ученицы Санкт-Петербургской Академии... Рассказать бы Джен, да не поверит. Сразу отдаст в психиатрическую лечебницу.

С улыбкой я пропустила в голову умопомрачительную мысль: я провела ночь в спальне самого жуткого монстра Академии. И осталась в живых, хо-хо!

Надо сказать, что получить такой титул – при условии, что в состав преподавателей входят вервольф и вампир, – непревзойденное достижение. Карпов неустанно старался, поддерживая репутацию главного чудища. Если наружу просочится информация, что профессор кормит и одевает своих пленниц, его демонический образ даст серьезную трещину.

С аппетитом оголодавшего спаниэля я жевала холодный сэндвич, усыпая крошками черное белье. Уверена, когда Карпов вернется, он пожелает меня за это убить, чем сильно подпортит карты всем прочим недоброжелателям.

Сделав последний глоток чая, я кристально ясно осознала две вещи. Во-первых, меня планирует принести в жертву шайка старомодных волшебников. Во-вторых, я, кажется, влюбилась в самого скверного парня во вселенной. И неизвестно, что из этого хуже. Впрочем, оставался шанс, что первая проблема автоматически избавит меня от второй.

Глава 3. В ловушке

Вселенский магнит для неприятностей – вот кто я. У фирменного дестинского везения сбились полюса, и теперь мне фартит исключительно на проблемы. Иначе как объяснить, что из всех девиц Академии билет на жертвенный алтарь выписан именно мне? И теперь вся школа шлет в мой адрес прощальные улыбки и взволнованные охи?

Про главную неприятность вообще молчу. Весь теоретический урок «Магических сна-добий» просидела, пряча предательски розовеющие щеки за страницами учебника.

– Ты где ночевала? Я обыскалась! – Джен негодуяще прижала меня к стене коридора и устроила допрос с пристрастием. – На завтрак не пришла, в Академии нету... Я даже в Пункт Связи сбегать успела.

– В больничном... В кабинете Мари.

Версия придумалась сама собой, но вряд ли кто-то станет проверять.

– А платье это... ну... – подруга придирчиво окинула взглядом мой не слишком форменный наряд, но ничего более не добавила.

– Первое, какое попало. Там кровь повсюду, Джен! Ты ведь знаешь, как мне от нее дурнеет...

Похоже, не только мне прошлая ночь не давала покоя. За обедом в тарелку посыпались теле-маго-граммы. Да такие, что про еду пришлось забыть. Жаль, отвечать на них можно только мысленно.

«Красивое платье. Но вчерашнее было лучше»

Если ничего не путаю, ночью у нас была «пижамная вечеринка»...

«После вас в постели всегда остается столько крошек?»

Стыдно признаться, но да. Это моя «крошечная» тайна...

«Не знаете, запах сирени когда-нибудь выветрится из моей спальни?»

Будем надеяться, что нет. Но если вдруг, то могу обеспечить вас новой порцией...

Главное открытие года: у профессора есть чувство юмора. Джен, увидев, что мое лицо расплывается в очередной идиотской улыбке, решила, что я спятила окончательно.

После обеда большая часть студентов потянулась в библиотеку. Демон умудрился задать почти всем курсам настолько сложные сочинения, что у учеников волосы на макушках зашевелились. Вот и славно. Будет, чем занять головы вместо обсуждения моей скромной жертвенной персоны. Я же впервые за день решила подняться на третий этаж и робко подойти к своей спальне.

Внутри было чисто. И пол, и потолок блестели новизной и пахли чем-то химически свежим. Вокруг моей кровати на коленях ползал Айзек Эйвери, что-то внимательно исследуя.

– Мне стоит бояться? – прямо спросила я у начальника охраны.

– Это не баловство, – подтвердил мысли Карпова старик Эйвери, поднимаясь с пола и красноречиво кряхтя. – Но и не правда, вот как я думаю...

– А так бывает?

– Хочу поговорить с вами откровенно. Вы выглядите смелой девушкой. Только не здесь...

Набросьте плащик, прогуляемся по парку.

Пока я одевалась, страж деликатно "забыл" о моем существовании. Насвистывал что-то, изучал витраж с Авророй, почесывал затылок, на котором были стянуты в длинный хвост белые волосы.

– Думаете, это сделал кто-то из учеников? – я рискнула начать с главного вопроса, когда мы вышли на крыльцо и неспешно пошли по дорожке, огибающей внушительное здание Академии.

– Сомневаюсь, мисс... Не в одиночку, уж точно. Девушки, что тревогу подняли – мисс Дягилева и мисс Добрева, – всего на двадцать минут в уборную отлучились. Чтобы за короткий срок организовать такой шедевр... Двое, минимум, а то и трое. К тому же ритуал больно старый, хоть и не забытый.

– Его же сто лет не практиковали!

Мы дошли до парка и выбрали уединенный закуток в зарослях можжевельника. Я уселась на белую скамью, Эйвери остался стоять, подперев спиной гладкий ствол краснолистного бука.

– Андрей сказал? Бережет, значит, все-таки головку вашу... от белых волос... – глубокомысленно крикнул страж. – Практикуют его, еще как. И жертвы приносят самые настоящие. Есть маги, чтущие традиции Высших, бережно хранящие память о жутких обрядах. Слыхали про Братство арканов?

Кто же не слышал! Старинный магический орден, заигрывающий с темной материей, обожающий грязные ритуалы и надеющийся стереть с лица земли «порочных» дестингов.

– Давайте поиграем в детективов, – вдруг предложил старик, залихватски тряхнув хвостом и звякнув пиратской серьгой. – Если то были не ученики, и, само собой, не преподаватели... Значит, чужие вломились, да так хитро и профессионально, что я не заметил. Вот подумайте, мисс, стали бы вы... кхм... лезть в Академию посередине ночи, тратить час на аккуратное сбрасывание защит, рисковать быть пойманной кем-то из профессоров... Только лишь за тем, чтобы перепугать девушку да предупредить, что ее избрали жертвой?

– Но зачем тогда?

Старик потер морщинистый лоб – тот, правда, от этого ничуть не разгладился – и поднял глаза к седому питерскому небу.

– Есть у арканов одна заноза в секретном месте, – неожиданно хохотнул Эйвери. – Никак сладить с ней не могут! И противник такой, что совсем, знаете ли, без слабостей... Сколько лет их кровь пьет и с носом оставляет.

– Крестный?

– Артура трудно напугать, – кивнул пожилой охранник, разглаживая на себе синий форменный сюртук. – Будь я детективом, решил бы, что предупреждающий знак оставили и не вам вовсе. Никто ведь не знал, что у него крестница есть, пока Арти сюда вас не привез. Может, и тигры были по той же части... Да только наоборот все вышло. Ректор после того случая особенно суетиться начал и еще сильнее хвосты арканам прижимать... С Джиной, как по мне, так даже перестарался... Кхе-кхе...

– С кем?

– Узнаете, мисс... Своим чередом. Выдумщик знатный, решил на единственной ейной слабости сыграть! Вкусную косточку кинуть, – осуждающе покачал головой мужчина. – Да я в толк мало верю. Не дура она, и опасная... Злющая... Только эти двое и могли с ней сладить. Любого другого она бы с головой сцапала. Вы к ней не лезьте, девочка, ежели что.

– К кому?

– К Джинке синеглазой. Хотя... Все равно ж полезете, нутром чую. Крестный ваш умник, да только видит слишком далеко. А когда что-то близко, то оно... вроде как расплывается...

Наверное, это фирменная черта детективов – говорить загадками. Эйвери что-то задумчиво мурлыкал себе под нос, но я ни слова не понимала.

– И что же, Артур снова спрячет меня в какой-нибудь глуши вроде «Эншантели»?

– А теперь смысла нет! – довольно заявил старик. – Хоть этому можете порадоваться.

– Я совсем вас не понимаю...

– Арканство – довольно жестокая религия... Или идеология... Тут уж каждый волен трактовать сам, – мерно закричал главный страж. – И ритуал этот, в своей оригинальной сути, кошмарен. Андрей не стал говорить всей правды, и я могу его понять... Хрупкая... Сломать боязно.

– Я способна выдержать правду, сэ.

– Уверен, что так. «Жертва на дикой крови» – ритуал-ловушка. Арканы, как любые темные маги, обожают играть с невинными созданиями. Иначе зачем предупреждать? Смысл был перепугать девицу до полусмерти, заставить сбежать, скрыться. А потом найти, но снова отпустить поводок... И опять поймать и посадить на цепь... Этакая вот охота, знаете ли. Чем сильнее страх, чем горячее жертвенная кровь.

Эйвери неодобрительно мотал головой, будто не веря, что кто-то в здравом уме мог додуматься до столь мерзкого ритуала.

– А если бы не нашли?

– Потому-то и ловушка. Ритуал ставит на избранной невидимую отметину. Несколько нехитрых магических манипуляций в состоянии транса, и ее в два счета отследит автор предупреждения. Где бы вас теперь Артур ни спрятал...

– Меня найдут, – обреченно прошептала я. – Знаете, сэ... Мне почему-то кажется, что именно это и было главной целью.

Важной шишкой я Артура никогда не считала, и, похоже, зря. Ректором Кроу, влиятельным магом и главой МОСа он был в чьих-то чужих глазах. Мне же по большей части доставался терпеливый крестный, изредка надевающий вспльчивую и волевою личину.

Ни разу голову не посетила мысль, что кто-то захочет воспользоваться мной, чтобы надавить на Артура. А ведь других близких у него нет... Разве что еще Белинда, но вряд ли об этом кто-то знает.

Произошедшее ночью меня напугало. Хотелось узнать, что думает обо всем этом крестный. Я обошла всю Академию – от мансарды, в которую не получилось пробраться из-за величественной двустворчатой двери, инкрустированной серебром, до расцветенного витражными красками фойе. Но заботливого опекуна нигде не обнаружила. Под дверью ректорского кабинета столкнулась с Карамзиной. Она-то и объяснила мне, что Артур задержался на торжественном ужине, посвященном включению в Совет какого-то вельможи.

И снова невезение! Именно сейчас, когда крестный был мне нужен, он пил игристое в компании циничных престарелых магов. Подумаешь, очередной дышащий на ладан волшебник сможет посещать учебное заведение с комиссией, ворчать о былых временах и раздавать профессорам интеллектуальные тумачки... Эка невидаль! Зачем устраивать еще и банкет?

За окном уже сгущались сумерки, а весточки от крестного не приходило. Я в очередной раз мерила шагами мраморную лестницу, подпрыгивая от возмущения. Меня вот-вот принесут в жертву, а он... Ох, а вот и он! Я едва не столкнулась с Артуром в парадном коридоре первого этажа.

Крестный что-то шумно обсуждал с Карповым, оба стояли ко мне спиной и – тут у меня брови чуть не выпрыгнули с лица – гулко смеялись! Решительно подойдя к этой не в меру веселой парочке, я кашлянула и сквозь зубы произнесла:

– Добрый вечер! Я смотрю, вы хорошо проводите время...

– Ох, Анна! – радушно развернулся Артур и объял меня своими длинными лапами, покрытыми седыми волосками. – Я слышал о дурацкой ночной шутке. Ты в порядке?

Шутке? Я чуть не поперхнулась. Слабоумием Артур раньше вроде не страдал... Но окончательно дыхание пропало, когда я выпуталась из объятий крестного, отошла на шаг и увидела ее. И правда, синеглазая.

За спинами мужчин стояла невысокая молодая женщина лет тридцати. Чертовски привлекательная, прямо-таки прибывающая к полу своей красотой. Светло-золотые кудри обрамляли лицо «сердечком», остренький подбородок был горделиво вздернут вверх, а чувственные пухлые губы недоумевающе поджаты. Шею барышни украшал синий шелковый платок, подо-

бранный в тон к сапфировым глазам. Они показались мне неуловимо знакомыми. Кажется, дамочка оскорбилась, что я прервала их беседу.

Но не лицо чванливой аристократки меня допекало. Бог бы с ним, пусть себе ходит красивой такой... А вот ее изящная лапка... Цепко ухватившая Карпова за ладонь... Ни разу не видела, чтобы Мрачный Демон с кем-то держался за руки! Этот жест выбил почву из-под ног – тех самых, которые он своими горячими пальцами вчера отмывал от крови.

С трудом контролируя свои действия, я медленно подняла на него глаза, и моя бровь в удивленном пассаже поехала вверх. Мужчина стоял со смущенной улыбкой, явно радуясь неожиданной встрече с белокурой фурией. Ох, ни черта себе. Я подавила сложносочиненные ругательства, едва не вырвавшиеся из уст пестрым фонтаном.

– Милая, если вы обращаетесь к профессору или ректору, стоит проявлять почтение, – высокомерно произнесла златовласая стерва бархатистым голосом с легкой хрипотцой.

Фыркнув на все фойе, я склонилась перед ней в столь глубоком реверансе, что он выглядел издевательски. Ох, не ошиблось «нутро» старика Эйвери, предсказавшее неприятности... Чувство самосохранения у меня отшибло давно и напрочь.

– Анна! – строго одернул меня Артур. – Позволь представить тебе нового члена Совета Академии, нашу бывшую ученицу и хорошую знакомую профессора Карпова – Джорджину Ловетт-Раскову. Я пригласил ее к нам погостить на несколько дней... скажем так, с комиссией и дружеским визитом.

Ах да, Расков! А я думала, откуда мне известна эта синеглазая порода. Николай, наверное, приходился ей племянником или младшим братом.

– Джорджина, не гневайся. Моя крестница не слишком хорошо воспитана, но мы над этим работаем.

Артур миролюбиво подмигнул мне, а я захотела отдавить ему ногу каблуком.

– Крестница? – удивленно осклабилась фурия, поцокала язычком и натянула приветливую гримасу. – Тогда ты, как опекун, знаешь, что современные девушки часто забывают о своем месте в волшебном мире... Задача старших – почаще им об этом напоминать. Например, ваше платье, моя дорогая, далеко от форменного. Открытые плечи, юбка лишь до колена и этот вызывающий цвет... Рекомендую сменить его на что-то более строгое.

Так вот ты какая, «Джинка синеглазая». Понятно теперь, что за вкусную кость решил тебе бросить крестный.

– А вам как кажется, профессор? – состроив «саму невинность», обратилась я к неприлично счастливому Карпову. – Стоит наказать меня за неуместный наряд? Заставить соскребать какую-нибудь жуткую слизь с пола? Или вручную постирать чье-нибудь постельное белье, так некстати пахнущее сиренью?

Удивляюсь, как у меня дым из ушей не повалил. Внутри я кипела действующим вулканом.

– Уже вечер, Джин. Занятия закончились, и мисс Дэлориан может смело носить все, что нравится ей... или кому-нибудь другому. В рамках приличий, разумеется...

Профессор глянул на меня с еле заметной ухмылкой, хотя в глазах был укор и, пожалуй, нотки сожаления. Будь у меня с собой ушат ледяной воды, я бы с маниакальной радостью и загробным хохотом окатила Карпова с головы до ног. Он еще ухмыляется... ну вообще!

Пятничное утро встретило меня большой головой и сдержанно-холодной Авророй. Я бы и рада была забыть о вчерашнем столкновении в фойе, да только Джен музыкальной трещоткой склоняла Джорджину на все лады.

– Видела, да? А я тебе рассказывала про нее. Удивительно, что ректор пригласил дамочку в Большой Совет, с таким-то пестрым прошлым...

– Потому и пригласил, – ворчала я, уложив гудящую голову на сложенные руки. Завтракать не хотелось. – У него шахматная партия... С вкусными косточками...

– С чем? – скривилась подруга.

– Призы, говорю, раздает. Обездоленным вдовам.

– В Пункте Связи только о ней и разговоров. Джорджина то, Джорджина это... Тетя Джулс так орала на Артура, ты бы слышала. Чуть оставшиеся волосы ему не выдергала, – хихикала Джен. – Не знала, что она так умеет.

– Хорошая у тебя тетя, – вздохнула я и вылезла из-за стола. Продолжать животрепещущую беседу стало неприятно.

Мне надо было собраться. Найти отломанные кусочки, приклеить обратно и сделать вид, что так и было. А еще – выпустить пар. Потому что, если мне сейчас на пути встретится одна красивая демоническая шея, – видит бог, я сожму на ней ладони.

До занятий оставался час, так что я переоделась и направилась к Пандоре. Любопытно, чей лик она представит мне сегодня.

Груша не подвела, явив мне ненавистное (в данный конкретный момент) лицо с блестящими черными глазами и острыми скулами. Ненастоящий Демон криво ухмыльнулся, словно провоцируя. И волна гнева затопила сознание.

Лучше бы здесь по-прежнему была Тильда. У меня и без груши передозировка обществом Мрачного Демона. И то, что он даже в тренажерном зале подстерегал, выбивало из колеи. Мне и хотелось его видеть, и не хотелось.

Я пихнула мужчину в грудь, заставив Пандору нервно отшатнуться. А вот нечего улыбаться. Кто же знал, что ревность – это так больно и противно. Еще несколько ударов – и виртуальная рубашка на крепком теле разорвалась, обнажив пару крупных синяков. Но это только завело.

Жестко и размашисто я ударила по ребрам – как раз в то место, откуда не так давно доставала клык. Пандора-87 не знала интимных подробностей нашего полуночного междусобойчика, поэтому ненастоящий Карпов лишь слегка охнул от боли, и тут же встал в смиренном ожидании нового удара. Но я понимала, что, случись драка по-настоящему, я бы поразила самое больное место.

Позади меня кто-то кашлянул.

Черт!

Нет, ну правда, Черт! Самый настоящий, не виртуальный даже.

Я так увлеклась мордобоем, что не почувствовала его взгляд. Это мое личное время, зал закрыт... Но, конечно, его палочка – ключ от всех академических дверей.

Настоящий Демон дышал в мое плечо, с интересом разглядывая грушу. Видеть моего оппонента он никак не мог, но... Отчего-то все равно стало совестно.

С растерянностью я уставилась на то же лицо, что глядело с Пандоры. Два Карпова – это явный перебор. Даже голова закружилась.

– Полагаю, мне не стоит интересоваться, кого вы теперь видите в зачарованной груше? – с саркастичной усмешкой спросил профессор.

– Правильно полагаете... сэр, – проворчала я, зацепившись зубами за липучку и пытаюсь стянуть перчатку с правой руки.

Скривившись в показной мученической улыбке, Демон ухватил меня за локоть. Мягко вырвав из моего рта клочок ароматной бордовой кожи, он расстегнул перчатку и легко стянул ее с ладони.

– Я заметил, что вы бьете в корпус и, это очевидно, щадите лицо, – пробормотал он, расправляясь со второй перчаткой и не обращая внимания на мои попытки сопротивляться. – С чего бы вдруг?

– Не все лицо, только скулы, – буркнула я, невольно скользнув взглядом по его щекам. – Чертовски хороши. Жалко портить.

Хмыкнув, Карпов бросил печатки на мат, задрал подбородок и глянул на меня из-под ресниц. Теперь он уверен, будто я считаю его привлекательным! Ну, может и считаю, конечно, но...

Профессор так старательно смотрел мне в глаза, что на мрачном лбу затрепыхалась венка. И к чему такая сосредоточенность? Феноменального усердия Демона хватило лишь на минуту. Потом его взгляд сорвался в пропасть и обласкал меня с взлохмаченной макушки до взмокших лодыжек.

Видок у меня был кошмарный. По шее струились ручейки пота, плечи застилали слипшиеся пряди. Топ и шорты промокли насквозь. Не представляю даже, как жутко от меня разлило потом. Тем не менее, глядел он очень странно.

– Считаете, мне снова нужно искупаться? – ехидно бросила я.

Карпов удрученно вздохнул, демонстрируя, как сильно устал иметь дело со столь сложными в общении ученицами. Затем потянулся к груше и неспешно провел по ней ладонью.

– Кого вы видите в ней?

– Хм... Умная вещица... Пандора Магнуссен хорошо знала свое дело, – задумчиво пробормотал профессор. – А у нас с вами, оказывается, одинаковые взгляды на жизнь.

Я приподняла брови, ожидая хоть какого-то продолжения. Разговоры загадками оставим для старика Эйвери.

– Я вижу себя, – сдержанно объяснил Карпов. – Боюсь, это единственный враг, который мне не по зубам.

Вечер пятницы был ничуть не веселее ее утра. В смятенных чувствах я слонялась по Академии, пытаясь разгадать задумку крестного. И что такого важного в этой златогривой мегере? Кроме того, что она была вдовой того самого Кристиана Ловетта? Не слишком, к слову, опечаленной: с таким энтузиазмом она вертелась вокруг Демона.

Моего Демона.

С картины в фойе привычно улыбалась и будто даже слегка подмигивала Аврора. В этот раз прозрачная физиономия господина Вортингтона из рамы не выпрыгнула, так что жаловаться мне приходилось основательнице Академии.

Она-то могла меня понять – сама влюбилась в неподходящего парня. Тоже скверного и мрачного. И вот, что из этого вышло.

Я перевела взгляд на полотно с изображением давней битвы. Война. Сотни погибших Высших магов, падение Великих даров... Все могло обернуться гораздо худшей бедой, если бы Аврора его не остановила. Интересно, как графине это удалось, если Августус, по признаниям очевидцев, был намного могущественнее всех прочих?

Наверняка она знала какой-то секретный приемчик против Мрачных Чудищ. Я бы с радостью его позаимствовала...

По плечу с шелковистым треском мазнула ткань пиджака, и слева от меня материализовалась знакомая темная личность. Я скользнула глазами по статной фигуре. Хотя нет, с этим парнем мы никогда не встречались. Я бы запомнила.

На меня смотрел незнакомый благоухающий франт, в темно-сером – да неужели! – двубортном пиджаке, наделенном каким-то фантастическим лоском. Мои глаза изумленно уперлись в крепкую шею: на ней был повязан галстук! Самый настоящий, с атласным глянцем, смолисто-черным ручьем стекавший по рубашке.

А еще запах – чужой, но невыносимо соблазнительный. Какой-то свежий, солено-морской, с легкими древесными нотами. Дорогой парфюм смешивался с привычной полынью так

вкусно, что я отпрянула в сторону на полшага, чтобы хоть немного выбраться из зоны мгновенного поражения.

Ох, Аврора. Ну ты меня понимаешь, да?

– Набрасываете план побега? – негромко, но садистски бархатисто поинтересовался Демон.

Пятница ведь, точно. Перенесенное дополнительное занятие.

– Зачем же побега... У меня еще два часа, чтобы придумать уважительную причину для прогула, – задумалась я, и вдруг поняла, что сказала это вслух.

С притягательным ароматом надо было что-то делать, в ядовитом облаке я ничего не соображала! Еще полшага в сторону. Так полегче.

– Не напрягайтесь. Как раз хотел сообщить вам, что я сегодня, в некотором смысле, занят.

Мне не надо было смотреть на Карпова, чтобы распознать в его словах язвительную ухмылку. Занят он, ага. В некотором смысле. Внутри зарокотал ревнивый зверь. Окотив профессора льдом из глаз – раз уж вчера из ушата не получилось, – я холодно ответила:

– Благодарю, что потрудились сообщить лично.

Сохранять равнодушный вид было трудно, и на это уходила вся энергия. Перед глазами вместо картины стоял огромный шоколадный торт, как единственное средство от подступающей депрессии. Сердце колотилось в бешеном танце. Вырядился, надушился... Уж догадываюсь, в чьей синеглазой компании Демон планирует прогулять мое дополнительное занятие.

Приблизившись, Карпов вдруг скользнул двумя горячими пальцами под рукав блузки и мягко схватил запястье. Я не сразу сообразила, что он задумал, а как дошло, резко вырвала руку и спрятала в карман юбки.

– Это против правил, – недовольно прошипела я, заливаясь румянцем.

Пары секунд хватило, чтобы услышать, каким галопом скачет обезумевшее сердечко.

– Каких еще правил? – довольно рассмеялся Карпов. – Просто хотел поставить диагноз. У вас бледный вид.

– Зато ваш вид внесет смуту в студенческие ряды. Ну и каков диагноз, «доктор»?

– Может быть опасно. Такое иногда плохо кончается. Сходите в больничное отделение и проконсультируйтесь с Мари, – серьезным, обеспокоенным тоном произнес профессор, но тут же снова ухмыльнулся. – Я все же не врач, и знаком не со всеми заболеваниями, от которых так бьется сердце.

– Ну у вас-то его вовсе нет. На предпоследней практике сражения Осворт показывал пару интересных атакующих заклятий, сэр, – раздраженно пробормотала я. – Убить не убьют, но покалечить могут. И костюм испортят наверняка. Шли бы вы... по своим важным делам.

– Пойду. А вы все же пообщайтесь с госпожой Пламберри. Уверен, она предложит вам подходящее лечение, – озабоченно прошептал Карпов. – Если не ошибаюсь, обычно при таких случаях назначают немножко терпения и побольше спокойствия.

– Сомневаюсь, что подобные лекарства найдутся у нее на «быстрой полке», – фыркнула я, в последний раз смерив мужчину взглядом – дай бог, чтобы холодным и надменным, а не исполненным вождения.

Затем нервно потопала... ага, в больничное отделение. Не консультироваться с Мари, конечно, – мне хватило «одной таблетки». Зато там можно было тяжелым мешком зерна бухнуться на уютную кушетку и всласть надышаться нормальным воздухом. Без примеси летних трав, морского бриза и прочей древесной шелухи.

Я застыла в мучительном ожидании ужина, и разморозилась лишь тогда, когда до меня вдруг дошло, что Карпов со старой знакомой давно растворился на пороге Академии. Посему вид Демона внес смуту только в мое сердце, а вот студенческие ряды остались в счастливом неведении, как невообразимо хорош может быть их мрачный преподаватель.

Предложение погостить, исходившее от крестного, трактовалось Джорджиной свободно. Конечно же, они не планировали оставаться здесь и придумали себе более интересное мероприятие на вечер. Иначе зачем Карпов так разоделся? Какой-нибудь бал или respectable ужин для первокровок из высшего света...

Напросившись на внеплановое вечернее дежурство, я мерила шагами больничное отделение и раз в пятнадцать минут ревнивой фурией выглядывала в фойе. Но парочка так и не появилась, а в полночь Мари выгнала меня спать. Понятное дело, глаз я не сомкнула.

Лихое подсознание подбрасывало в мозг картинки, как Карпов приводит белокурую стерву в свой кабинет и настойчиво тянет за руку в смежную спальню... Бросает на черные простыни. Мои простыни!

После ночи, проведенной в его комнате, я отчего-то присвоила смятое, но слегка хрустящее постельное белье себе. Понимала, что не имею на это никаких прав и оснований. А все равно – мое. В некотором роде я даже территорию пометила. Сирень, крошки... Не специально, но так вышло.

Интересно, следующей ночью он сменил простыни? Или просто смахнул крошки и лег в ту же постель, не так уж сильно мучаясь от девчачьего аромата?

Два дня парочка шастала по Академии неразлучно. Я наталкивалась на них повсюду – за завтраком и обедом, в тренировочном зале, в длинном коридоре второго этажа, в библиотеке. И все время Джорджина что-то нашептывала Карпову, хватала его под руку, поправляла ворот рубашки, проводила пальцами по жестким волосам... Аппетит и тяга к знаниям у меня пропали совершенно.

Сегодняшний вечер должен был побить рекорд по отвратительности. Крестному показалось мало торжественного ужина, на котором он прогулял мое потенциальное жертвоприношение. Он еще и показательный бал решил устроить в честь миловидной гостьи. По этому тошнотворному поводу в воскресенье столы нарядились в белые скатерти, а ученики старших курсов – в вечерние платья и смокинги.

Я собиралась впервые в жизни поступить мудро. Чтобы не вляпаться в очередную неприятность и не дать Судьбе и шанса на новую издевку, я просто на этот бал не пошла. Нарядилась, прихорошилась... и решительно зашагала в противоположную от трапезного зала сторону. Вот и посмотрим, что предпримет моя «анти-везучесть» при таком раскладе!

Платье у меня было. Из породы тех, от которых вечные неприятности. С той поры, как мы подписали с Амандой «меркантильный пакт», она мне даже собственного манекена выделила. И, вернувшись из турне, пригласила на первую примерку.

Правда, ее упорно тянуло на так любимые хищниками оттенки. Я велела ей завершать кровавую коллекцию и следующим выпросила скромное черное. Но сегодня в больничное отделение пришлось заявиться в красном атласе.

– Меняемся? Я дежурю, ты – на танцы? – заискивающе заглянула я в глаза Мари, как раз усевшейся за чай с профитролями. – Там Валенвайд скучает, а от тебя как раз пахнет кровью...

Госпожа Пламберри нервно дернулась, сняла испачканный передник и с ворчанием аля «ну и шуточки, юная леди» понесла его в корзину. Никогда не пойму, как она умудряется усаживаться за стол, не замечая на себе красных пятен.

Почти час мне потребовался, чтобы соблазнить Мари на канapé с креветками, жульен с белыми грибами и рагу по-мексикански. Выдворив наставницу, переодевшуюся в парадную форму, за дверь, я с упоением принялась поглощать ее профитроли.

Демон наверняка решит, что я от него прячусь. Но, на самом деле, я скрываюсь от неприятностей. Разве станут они тревожить скромную девушку, возлежащую в атласном красном платье на кушетке пустого больничного отделения и плюющую в потолок? Фигурально выражаясь. Только гнева Мари мне и не хватало.

Мысли крутились вокруг крестного. Днем я застала своего опекуна вместе с Эйвери в коридоре третьего этажа. Они что-то взволнованно обсуждали и косились на дверь нашей с соседками спальни. Почти уверена, что «шутку» крестный все-таки оценил. Как и предупреждение, оставленное неизвестно кому.

И все-таки, что придумал Артур? Тут и горный тролль разберется, что затея с Джиной принадлежит крестному. Я его почерк издаюла чую. Но ведь Карпов мог и не подписываться... на *такое*.

С другой стороны, на какое *такое*? Джина – роскошная женщина. Первокровка, красавица. Порода чувствуется в ней за версту. Я слышала про род Расковых, не слишком титулованный, зато древний и безмерно богатый. В сравнении с Джорджиной я была «замарашкой». Чернокровкой Золушкой, перепачканной сажей, пусть и в модном наряде от феи-крестной.

Одним словом – дестинкой.

Нет, правильно я сделала, что не пошла на бал. Непременно не сдержалась бы и выкинула очередной фокус. Дипломатичность и такт к моим сверхспособностям точно не относятся. А Эйвери предупреждал, чтобы я не лезла к синеглазой фурии. Может, пора уже хоть к кому-то из старших прислушаться?

Но ничему-то меня жизнь не научила. Сколько ни прячься от неприятностей, если Судьба захочет, они тебя сами найдут.

– Не знала, что у Артура есть крестница!

Следом за томно-хриплым голосом на пороге палаты возникло небесной красоты создание. Не знай я о ее скверном характере, решила бы, что ангел сошел с пролетавшего мимо облака.

За супругами Ловетт тянулась такая длинная и мрачная история, что, по законам жанра, Джорджине следовало превратиться в чопорную барыню, потрепанную годами и бурным магическим прошлым. Но она была абсолютно роскошна и свежа. Длинные золотистые волосы, убранные назад, кудрявым водопадом падали на спину. Их скрепляли две заколки в виде бриллиантовых лилий над ушами. Глаза были сочно-сапфировыми, а пухлые, красиво очерченные губы – ярко-розовыми. Бархатное платье тоже было синим и невероятно изысканным.

Шею госпожи Ловетт сковывало толстое, массивное ожерелье с лазурными камнями. Я смутно догадывалась, что прикрывает этот дорогой ошейник. Крошечное свидетельство позорного прошлого, о котором все демонстративно забыли.

...Вчера вечером, когда я стояла у окна медпункта и нервно разглядывала два сплетенных силуэта, прогуливающих у кромки леса, меня за этим непристойным занятием застала госпожа Пламберри. Непонятно чему усмехнувшись, она рассказала, что гуляющие – старые друзья. Вроде как Карпов ухлестывал за Джорджиной еще в академические годы, но желанный приз получил его тогдашний лучший друг – Кристиан Ловетт.

– Ты путаешь, Мари, – строго поправила ее Карамзина, повадившаяся в больничное отделение пить вкусный, припрятанный в тайном ящичке кофе. – Желанным призом был сам Андрей. Это Джорджина вертелась вокруг него едва не до совершеннолетия... Вся Академия из-за них на ушах стояла.

– Да нет же, Ксения! – госпожа Пламберри заняла излюбленную позу «руки в боки» и нависла над преподавательницей. – Я сама видела, как Андрей ей букеты таскал из зачарованных синих роз...

– Он просто передавал цветы от Кристиана. Совсем девицу запутал... Не замечал он ее. Как и вообще всего вокруг. Не помню, чтобы он хоть к кому-то проявлял интерес, а юноша был видный... Но ты же знаешь Карпова, – отмахнулась Карамзина. – Холодный, что айсберг.

Старые сплетницы начали спорить, кто за кем ухаживал и насколько по шкале айсбергов холоден профессор, и вконец раскудахтались. В итоге дамы докричались до того, что чуть не

устроили петушинные бои, и Карамзина с неистовым фырканием выскочила за порог. В миг остыв, Мари устало выдохнула и принялась собирать грязную посуду.

– Тебе не помешает знать кое-что, Ани, – пробормотала наставница, вытирая чашку, едва не разбитую в сердцах Карамзиной. – В юные годы эта троица увлекалась запрещенной темной материей и входила в молодежную организацию, проповедующую арканство. И Джина, и Кристиан прошли ритуал посвящения, попали в элиту Тайного Братства. Андрей, он... тоже к этому стремился. Семейные дела отвлекли.

Про арканский ритуал посвящения я слышала. Он проверял чистоту крови, подлинность фамильного древа... и награждал позорной отметиной слева на шее. Она напоминала букву Х, составленную из молнии и магического жезла. Джорджина давно открестилась от участия в делах Тайного Братства, но стереть магическую татуировку не мог ни один лазер. Поэтому прикрывать штамп приходилось то шарфиком, то ожерельем...

Мне было трудно представить, чтобы Мрачный Демон за кем-то... «ухлестывал». Но информация о несостоявшемся романе остро кольнула где-то между ребрами. И последние сутки я ходила сама не своя, ерзая в платье и потирая болезненную грудь, будто внутри торчал кусок арматуры или еще какая крупногабаритная заноза.

– Может, удастся исправить первое впечатление? – заискивающе улыбнулась Джорджина, ставя на стол графинчик вина и два бокала. – У тебя прелестное платье. Аманда Браун?

– Как вы узнали? – оторопела я от всего разом.

– Я неплохо разбираюсь в одежде. Такое вот дорогое хобби, – гордо задрала острый подбородочек внезапная гостя. – А твое я точно видела в ателье госпожи Браун. Очень узнаваемый узор на корсаже...

На всякий случай, я дождалась, пока Джорджина первой сделает глоток. С этой Судьбой надо держать ухо востро! Ладно, похоже, травить она меня не планирует.

Вино было гадким, и я ограничилась одним глотком. А может, сегодня мне все казалось более противным и малопривлекательным, в том числе и сам профессор.

Опасной и злоущей Джина не выглядела. Она по-свойски уселась на больничную кушетку и растеклась в снисходительной улыбке.

– Я как-то провалялась тут три недели! – дамочка похлопала по матрасу, упакованному в голубой хлопок. – Эва Мейзел прокляла расческу... И вместо волос наутро из головы выросли змеи... Тонкие такие, золотистые, противные до ужаса... Они не кусались, но так мерзко елозили по плечам... Расследование не проводили, но я знаю, что это сделала Эва.

Мой организм так и не решил, то ли поежиться, то ли очистить от профитролей желудок, то ли в обморок упасть от представленной картины. Поэтому он просто икнул и потребовал еще вина.

– Непросто быть представительницей богатого, старинного рода. Всегда найдутся завистницы, ревнивицы... и просто трусихи... – Джорджина осчастливила кабинет скрипучим смехом. – Ни одна из моих подруг за три недели не рискнула навестить «змеиную королеву». А вот Кристиан и Андрей пришли. С ножницами. И в два щелчка отрезали ползучим гадинам головы.

– Уверена, с Эвой вы потом расквитались, – без улыбки ответила я.

– Я тоже неплохо разбираюсь в проклятиях... и в змеях... – туманно заверила опасная красавица, изучающе скользя глазами по складкам моего платья.

Неожиданный визит сбивал с толку. Неужели она надеялась подружиться? Зачем? Только потому, что ректор – мой крестный? Не было похоже, что первокровная дамочка приходит в восторг от общества дестинки...

– Слышала, ваш супруг недавно оставил этот мир... Соболезную. Вижу, вы ужасно опечалены? – не удержалась я от колкости.

– Жизнь – великое благо, грешно растрачивать его на сожаления, – Джина закусила губу и раздула ноздри.

Ее личико скривилось, но дамочка снова надела приветливую гримасу. Я вдруг поняла, что она изо всех сил пытается влезть в ангельскую шкуру, а наряд трещит по швам! Похоже, игра в милую собеседницу была не по нраву не только мне. А что я ожидала от арканки с километровой родословной?

– Притворство вас не красит, госпожа Ловетт, – не выдержала я глупого спектакля и первой нарушила правила. – Я дестинка, а у вас, похоже, врожденная аллергия на «черную» кровь. Красивый ошейник, кстати... Да и сама вы ничего. Вас разве не ждет на балу лучший друг почившего супруга? С предложением руки, сердца и короткого поводка?

По миг изменившемуся лицу собеседницы я поняла, что сболтнула лишнее и ступила на тонкий лед. Черт! Ну почему во мне нет ни капли чувства самосохранения? Вот зачем лезть на рожон и провоцировать мегеру, ко всему прочему входящую в Большой Совет Академии?

Но отступать и прикидываться слабоумной было поздно. Взметнув змеиный клубок золотых локонов, Джорджина спрыгнула с кушетки и хищно подлетела ко мне.

– Сколько гонора для «чернушки»! – гневно зашипела гостья, во всей красе предъявив себя настоящую. – Ты тоже «ничего»... Симпатичная дестинка! Какое многообещающее сочетание. Молодые лорды обожают играть в любовь с подобным отребьем. Через полгода для всех этих богатеньких мальчиков ты станешь обычной подстилкой.

Изуродованная в секунду вспыхнувшей злобой, «синеглазая Джинка» прожигала дыры в моем красном атласе, стремительно бледневшем на фоне ее королевского бархата.

– Спасибо, что просветили, – бросила я как можно равнодушнее, а потом задумчиво добавила: – Я все никак в толк не возьму, как вы могли увидеть мое платье в «Ателье Браун»... Неужто «Ангела» присматривали? Но что вы тогда забыли здесь?

Лицо Джорджины застелило ненавистью, аристократические ручки задрожали. Ничего себе реакция! Да она же психопатка...

– Не твое дело, маленькая дрянь! – заорала Джорджина, нависая надо мной разъяренной драконшей. – Что тянуть время... Я знаю тут одного парнишку, думаю, смогу убедить его оказать мне услугу. Давай ускорим твоё превращение в «дестинскую подстилку»?

Голова почему-то закружилась, в глазах потемнело. О себе я в вотчине Артура не беспокоилась. Пустые угрозы... Но эти слова...

Что-то похожее сказала Ребекке Тильда. Я слышала, потому что пряталась в шкафу в комнате старших девочек. Того услужливого «парнишку» звали Джайлз... Джайлз Ньюман... Внук влиятельного судьи. Он легко отделался – перевелся в другой интернат, даже без грязной записи в личном деле. А Бэкс две недели провела на больничной койке, жуя мокрую от слез подушку и пронзая стену невидящими глазами.

Сейчас передо мной стояла не роскошная синеглазая Джина, а некрасивая Тильда, размазавшая жидкие, блекло-русые патлы по плечам... Пандоры-87 под рукой не оказалось. Я непроизвольно дернулась, женщина нервно взвизгнула. Вино стекало по ее лицу... Вполне даже красиво. Бордовые струйки скатывались по шее вниз и впитывались в синий бархат...

– Заплатишь... Заплатишь! – иступленно хрипела бешеная стерва. – Ты... Мне...

Ноздри Джорджины раздувались в гневном танце. Она резко выхватила свой вычурный именной жезл – с позолоченной рукоятью, усыпанной десятком пестрых самоцветов, – и с безумной улыбкой начала бормотать незнакомое заклятье.

– Вы забываетесь, мисс Дэлориан! – громоподобно зазвучал голос влетевшего в кабинет Карпова. – Или думаете, раз приходите ректору крестницей, то можете вести себя безрассудно и глупо?

До скрипа сжимая в руке опустошенный бокал, я переводила взгляд с разъяренного Демона на искореженное злобой лицо златовласой ведьмы. Карпов мягко перехватил ее руку

и ласково отвел за спину, что-то томно зашептав стерве на ушко. Дамочка вдруг затихла и расплылась в предвкушающей усмешке. Мое сердце пристыло к нижним ребрам, предчувствуя эпичные неприятности.

Дверь с грохотом распахнулась, и вбежали новые свидетели моего позора – Мари и мисс Эмеральд. Дриада выглядела озабоченной и до белых костяшек стискивала рукой свой изящный браслетик, будто собиралась пустить в ход древнюю магию лесных нимф... Но, увидев Карпова, тут же успокоилась, ласково погладила липовые веточки и разжала пальцы.

– Вы будете наказаны по всей строгости, упрямая мисс. У меня даже есть идея, как именно, – медленно цедя слова, прошипел профессор. – Ваш прозрачный приятель Роджер устроил акцию протеста в уборной на третьем этаже, и теперь там... не слишком чисто. Уверен, вы, как истинная дестинка, поможете своему товарищу навести порядок. Только поспешите и не вздумайте переодеваться. Платье вам очень к лицу.

Ошарашенная и униженная, я растерянно взглянула ему в лицо. Настоящий Демон. Губы поджаты, брови решительно сдвинуты. Растволкав новоприбывших, я побежала вон из больницы. Надо было успеть захлопнуть за собой дверь до того, как слезы предательски проступят из глаз.

Когда я добрела до женского туалета, то обнаружила, что никакой грязи там нет. То ли кто-то уже прибрал, то ли Роджер здесь сегодня не резвился. Я сползла по стенке на кафельный пол, обхватила колени руками и разрыдалась так, как не плакала еще никогда в жизни.

Глава 4. Лекарство от головы

Очнулась я на жестком желтом диване. Из окна сочился блеклый свет завершающейся ночи. Сознание неохотно выплывало из потемок, в горле пересохло. На мне все еще было атласное красное платье, изрядно помятое, – не везет мне с ними. Рядом с собой увидела госпожу Пламберри. Наставница сидела на краю дивана и задумчиво гладила мои волосы.

– Чем ты меня накачала, Мари? Я половину лица не чувствую, – я с трудом пошевелила языком.

– Одним замечательным успокаивающим средством из личных запасов, – повернула голову госпожа Пламберри.

– С твоим «средством» только на слонов ходить.

– Хорошо, что я тебя нашла, – бормотала главный лекарь Академии. – Впервые видела тебя в таком состоянии.

– А я впервые в нем и была, – смутно припомнила подробности вчерашней истерики, есть повод постыдиться. – Не знаю, что на меня нашло.

– Он, кстати, заходил ночью.

– Кто?

– Твой профессор, – буднично пояснила госпожа Пламберри.

– У меня нет в Академии какого-то личного профессора, Мари, – вяло возмутилась я, на серьезный протест не было сил.

– Ну, нет так нет. В любом случае, он заходил. Хотел убедиться, что ты не разбила себе голову о кафедру из вредности или упрямства. Сидел тут с полчаса, – она кивком указала на кресло за своим столом. – Помолчал, посмотрел и ушел. Артур просил, чтобы я привела тебя утром. А пока спи.

Утро обещало быть недобрым, ведь начиналось оно с разноса в кабинете ректора. Госпожа Пламберри убедила меня, что лучше пойти раньше, чем позже – вроде как сорвать пластырь. Но чем ближе мы подходили к вотчине Артура, тем сильнее ноги мечтали повернуть обратно и бежать со скоростью гепарда.

Несмотря на две выпитые чашки кофе, меня еще шатало после успокоительных, и Мари вызвалась пойти вместе со мной. Только из уважения к ней я не рванула в противоположную сторону, подальше от унижения и позора. Подойдя к заветной двери, мы услышали раскаты грома, в которых я распознала голос моего «добросердного» крестного.

Небольшой кабинет буквально распирало от количества присутствующих. Осворт суетливо мерил шагами ковер. Профессор Карпов – застывший и недосыгаемый, – расположился поодаль, опираясь спиной о подоконник. Карамзина сидела в кресле у лампы, нервно шелкая костяшками длинных пальцев. Над ней с непокорным видом летало привидение.

– Не хочешь мне объяснить, какого тролля вчера произошло? – накинулся Артур, не дождавшись даже, пока я целиком перенесу свое тело через порог.

– Н-ничего, что заслуживало бы заседания Малого совета в полном составе...

– Надо ли спрашивать у двух кошек, из-за чего они поцапались? – подал голос призрак, носившийся у всех над головами. На мою ремарку Роджер горделиво взбил прозрачные кудри, видимо, причислив и себя к этому самому Совету. – Не дуйся, я на твоей стороне, пигалица. Я не забываю старых друзей.

– Я на транквилизаторах, Родж, меня не проймешь, – вяло улыбнулась просвечивающему приятелю. – У госпожи Пламберри такие волшебные успокоительные, что перед глазами до сих пор единороги пляшут.

Мне не часто приходилось видеть крестного в гневе, но сейчас был именно тот случай. Его лицо багровело на глазах, и оттого еще сильнее выделялось на фоне седых вихров.

– Госпожа Ловетт требует твоего исключения, – в голосе Артура появились ледяные нотки.

– Исключения? Из-за вина? Это же идиотизм...

– Она утверждает, что пришла в больничное отделение с миром. А ты на нее напала. Я хочу услышать твою версию. Если дойдет до разбирательства...

Какой-то театр абсурда! Будет еще и разбирательство? Изучат траекторию полета бордовой жидкости в лицо «сердечком»?

– Ты же ректор! Просто закроешь ей рот. Можешь кляп воткнуть, у меня найдется пара ненужных старых носков.

– Я не всемогущий, Анна. Оскорбление члена Большого Совета, знаешь ли... Мне ты можешь сказать. Джин тебя чем-то спровоцировала?

– «Джин», – передразнила я, вспомнив злобный оскал златокудрой психопатки. – А какая разница? Все равно ты будешь стелиться перед ней махровым ковриком и кидать вкусные косточки по мере пробуждения аппетита... Лишь бы не подавилась от такого счастья. Исключай. Вот прямо сейчас. Устроюсь закройщицей к мадам Чармингтон. Или помощницей косметолога в Эстер-Хазе. Мне дивно удаются кремы от прыщей. Можно идти?

Я развернулась к двери, ноги едва держали. Не распластаться бы прямо тут, у подножия ректорского стола... Черт бы побрал Мари с ее транквилизаторами и пляшущими перед глазами единорогами.

– Сядь. И благодари профессора Карпова за то, что он успел первым назначить наказание. Формально ты уже искупила свою вину перед госпожой Ловетт, и согласно Уставу Академии, она не может настаивать на исключении. Правда, Джорджина требует подтверждения... от него, – Артур указал пальцем на Роджера. – И нам пока не удалось убедить... господина Вортингтона... оказать содействие в этом вопросе.

В этот момент «господин Вортингтон» (в неофициальной обстановке «засранец Родж») с диким улюлюканьем вмазался в шкаф.

– Я просто набиваю себе цену... Рассчитываю кое-что получить за свою отзывчивость, – с хитрым видом призналось приведение. Роджер плюхнулся мне в ноги, серебристой лужицей растекаясь по полу и вдруг материализовался позади раскрасневшегося ректора. – Раз уж мне одному приходится защищать эту хрупкую девочку от мрака и негодяев... Негодяек.

Призрак завис над Карповым, и тот бросил в него крайне недобрый взгляд. Другой бы на месте Роджера от страха испустил дух... Но бестелесному дурню терять было нечего.

– Родж, говори, чего хочешь, и давай сворачивать спектакль, – слезно попросила я привидение. – Кофе перестает действовать, я сейчас упаду.

Мне всерьез стало дурно, мигрень усилилась. Я мешком опустилась в кресло для посетителей и сжала ладонями виски.

– Погуляешь со мной, Дэлориан? Ты не смотри, что я прозрачный, я парень хоть куда.

Призрак подлетел к креслу и сделал вид, что уселся на подлокотник. Прозрачной лапой аккуратно дотронулся до моей руки, и по телу пробежал жуткий холодок. Ощущение из неприятнейших, но я собиралась потерпеть и ладонь не убрала.

– Погуляю, Родж. Дай только отойти от транквилизаторов.

– Ты серьезно? Со мной?

Если бы у призраков могли проступать слезы на глазах, они бы это сделали. Он был расстроган. Я кивнула. Я планировала исполнить обещание, хотя с трудом представляла себе прогулку с привидением. Краем глаза я отметила, что бровь Карпова поползла вверх, – ну, хоть что-то способно его удивить.

Крестному в затылок влетела теле-маго-грамма, и он тихонько выругался, усмиряя буйную картонку. Я мысленно потеряла ладошки: сам придумал дурацкую систему связи, пускай тоже страдает.

– Эйвери... Срочно... – пробубнил Артур, поднялся и деловито направился к выходу. – Не расходиться.

– Почему вы не скажете ему правду? – произнесла изумрудная занавеска позади ректорского стола, едва за крестным захлопнулась дверь. С трудом разглядела на ее фоне дриаду – в брючном костюмчике цвета свежей весенней листвы.

– Какую? – переполошилась я, вспомнив с десятков секретов, о которых Артуру лучше не знать.

– То, что наговорила вам неприятная госпожа, – равнодушно хлопнула ресницами мисс Эмеральд и вдруг холодно процитировала: – Маленькая дрянь... Я знаю парнишку... Оказать мне услугу... Ускорим твоё превращение в «дестинскую подстилку»...

– Ну у вас и слух! – поразилась я, поперхнувшись от по второму кругу кольнувших откровений.

– Обычный слух. А вот память – и впрямь хорошая, – спокойно и как-то даже лениво бросила дриада. – Лесные нимфы могут склонить к общению деревья, травы, ветра... Воздушные потоки в Академии очень контактны.

– Вы подслушали.

– Я подслушала, – безэмоционально отозвалась Марта. – Я часто это делаю, когда скучаю. Так почему вы не сказали крестному?

– Кто я такая, чтобы портить ему гениальную шахматную партию? Пускай развлекается... А пешки потанцуют.

Холод смачной оплеухой прокатился по щеке – это Роджер гневно всплеснул руками и случайно задел мою физиономию. Я бросила взгляд на призрака: кулаки сжаты, костяшки пальцев... можно сказать, что побелели, хотя на самом деле посинели.

– Я ни на шаг от тебя не отойду, Ани, – сосредоточенно пробормотал он.

– Я слышала кое-что еще. И думаю, профессор Карпов тоже, раз рискнул применить внушение такой интенсивности, – расслабленно заявила нимфа, щекоча пальцами тотемный браслетик и вызывая на нем новую поросль. Мне срочно нужен такой же. Или четки. – Заклятье, которое неприятная дама собиралась применить против мисс Дэлориан. Очень грязное. «Гильотинум Рандомус».

Марта резко махнула макушкой – будто не желала иметь в своей чистой голове столь гадких знаний и надеялась вытряхнуть их наружу, – и волнистые локоны заискрились изумрудной пылью. Карамзина тонко вскрикнула, но тут же взяла себя в руки и положила ладони на колени, как истинная леди.

– Она собиралась оторвать мне голову? – безуспешно имитируя спокойствие, поинтересовалась я. Так значит, Демон не комплименты шептал Джине на ушко...

– Вы путаете с «Гильотинум Тоталли», – сухо бросил профессор. Ничего я не путала, вообще впервые слышала эти названия. А вот со словом «гильотина» была знакома со школьных уроков истории. – Заклятье «Рандомус» – нечто вроде «Русской рулетки». Шесть хаотично настроенных невидимых кинжалов. Могут проткнуть живот, полоснуть по горлу... А могут ласково оцарапать ладошку. Никогда не знаешь, легко отделается жертва или истечет кровью за пять минут.

– Ваша подруга – само очарование.

Я старательно склеила ладони и принялась соединять подушечки соответствующих пальцев, делая вид, что крайне увлечена новым занятием. Если он рассчитывает на благодарность – не дождетя.

– Я просто хочу, чтобы вы понимали... – раздраженно начал Карпов, но вдруг плотно сжал губы. Затем пересек кабинет, нагнулся над моим креслом, упершись крупными ладонями в подлокотники, и грозно прошипел: – Джорджина гораздо серьезнее тех соперниц, от которых вы скачете по залу на Практике сражения. Это могущественная и до невозможности вспыльчивая волшебница. С сильным жезлом-артефактом. С солидным арсеналом грязных заклятий в умной голове. А вы ведете себя, – негодуя засопел профессор в мое ухо, – как маленькая, обиженная, глупая девочка.

Отпихнув мужчину, я вскочила со своего места, приподняла полы измученного платья и со всей дури вонзила каблук в его ботинок. За несколько дней – вторая испорченная пара обуви, которую я не собиралась компенсировать. На секунду лицо Демона окрасилось болью, но тут же вернуло себе укоряющий вид. Он будто говорил: «Зная десяток атакующих заклятий – каблук?»

– Вот теперь я соответствую вашей лестной характеристике, – пояснила я свое спонтанное действие и пулей выскочила из ректорского кабинета.

Маленькая, обиженная, глупая девочка, готовая разродиться новой истерикой... Да, это сейчас было про меня.

Голова была – что ледник, напорившийся на грузный, старательный ледокол. Кусок за куском разум разламывался на части, сопровождая процесс жутким треском и острой болью. Единорогов, исполняющих бодрый канкан, я больше не видала. Перед глазами было черно и пятнисто – этакая ночь в леопардовом принте.

Поскольку я проигнорировала завтрак, то, разнообразия ради, теле-маго-грамму получила не в тарелку, а на подушку. Она минут пять монотонно стучалась о лоб, пока я не решилась отогнать надоедливую муху и не увидела картонку.

«Профессор А. Карпов уведомляет обиженную, маленькую, глупую девочку о том, что «Магическое противостояние» переносится на вторник. И ожидает ее в шестой оранжерее, на «Волшебных травах», вместе с прочими учащимися. С ув., злобный Мрачный Демон.

P.S. Прогуливать не советую, морф в банке по вам давно скушает».

Что-то подсказало, что записку я получила эксклюзивную, чуть отличающуюся от остальных. Я сунула ее к другим персональным посланиям – в блокнот, под подушку. Скоро соберу коллекцию и издам «Собрание демонических сочинений».

У меня и так была передозировка обществом мрачного типа. Но приходилось признать, что, по воле несчастного случая, он еще и мой преподаватель, и игнорировать уроки я не могла. Смирившись, что мне в очередной раз за сегодня придется полюбоваться его надменной физиономией, я накинула на плечи теплый плащ и отправилась в шестую оранжерею.

Демона я планировала старательно игнорировать. Но не пришлось: он раздал листы с заданием и, не глядя в мою сторону, вышел из теплицы. Урок оказался приятным. То ли благодаря отсутствию чудовища, то ли из-за самой оранжереи... Через десять минут витания в травяных парах сознание пришло в норму, с глаз спала черная пелена.

Если бы я хоть на секунду могла допустить, что Карпова волнует мое самочувствие, я бы решила, что он специально перенес урок в шестую теплицу. Мысль была нелепой: недовольный вид вернувшегося к концу занятия профессора доказывал, что, будь его воля, он продлил бы мою мигрень на неделю. А то и на год.

Джорджина, «униженная и оскорбленная», отбыла восвояси после обеда, на который я благо разумно не явилась. Мари не дала умереть с голоду и раздобыла на кухне пару сэндвичей с ветчиной, сопроводив их еще двумя чашками кофе. Одну из них она приготовила для себя, но мой организм с этим не согласился.

Ближе к вечеру дежурство прервал галантный кавалер – старомодно выряженный и прозрачный. Он испросил у госпожи Пламберри разрешения выкрасть «прелестную мисс Делориан» на обещанную пешую прогулку. Над всей этой затеей ощутимо витал терпкий дух идиотизма, но Мари не возражала, и я, замотавшись в подбитый мехом плащ, выбралась в фойе.

Выяснилось, что гулять с привидением – истинное удовольствие. Он не лез ко мне с поцелуями, не хватал руку потной ладошкой, не оставлял на мне синяков, не цеплялся за локоть, не отдавливал в смущении ноги... Словом, избавил меня от десятка неловкостей, связанных с первыми свиданиями. Зато, как истинный джентльмен, изъявил намерение развлекать беседой.

– Спрашивайте, прекрасная мисс, о чем хотите. Я к вашим услугам, – церемонно поклонившись, заявил мерцающий в сумерках дурень.

– Помнишь, Карпов говорил что-то про твою глупую смерть?

– Дуэль. На жезлах.

– Ради чего ты дрался?

Роджер парил над дорожкой, но старательно переставлял ноги, имитируя размеренный шаг. Жаль, нельзя было взять его под руку, тогда наша неспешная прогулка имела бы и вовсе фантастический вид.

– Из-за девушки, с которой был помолвлен.

– Расскажи!

– Я был без ума от нее, а она – от всего остального. – Роджер задумчиво уставился в темнеющее небо. – Мы приехали сюда из Англии – я, Солли и ее брат-близнец.

– Зачем?

– За консультацией, Солли была не совсем здорова. Брат обязался приглядеть за моей невестой, пока я отлучусь в Лондон по семейным делам. Но сам отвлекся. Девушка осталась одна в манящих огнях высшего магического света... Как она была хороша. Свежа, невинна! Истинная принцесса! Глаза сияли бирюзой, волосы стекали расплавленной платиной... Через три недели я вернулся. И почти сразу узнал, что она... кхм... вступила в тайную связь с местным аристократом – надменным, испорченным красавцем. Он с ней просто развлекался, рассказывая всем о новой игрушке...

– Как мерзко!

Я поехала, вспомнив слова Джорджины про «светлое дестинское будущее». Но невеста «господина Вортингтона» наверняка была первокровкой и аристократкой...

– Не думал, что способен так злиться. Магический контракт, Анна! – Роджер наморщил лоб и показался невыносимо старым и измотанным. – Я обязан был на ней жениться. После такого позора... Профессор прав, я сам избрал путь. Решил, или смою грязь с обесчещенной невесты кровью того петуха... Или погибну с достоинством, и своей смертью разорву коварную помолвку. Умер я вот тут. На месте пятой оранжереи.

Эта английская теплица – словно магнит для разного рода неприятностей... Прямо как я.

– Почему ты... ну... не пошел дальше?

– Меня лишили выбора, пигалица. «Несчастный случай». Первое время я был этому даже рад... Ждал, что Солли появится, покается, прольет слезу. Но она за всю жизнь ни разу не ступила на территорию Академии. У нее были... «веские причины». А сейчас я, пожалуй, слишком стар, чтобы так молодо выглядеть.

– И сколько тебе?

– Восемнадцать, – лукаво подмигнул приятель, и вокруг его тонких губ образовалась паутинка прозрачных мимических морщин. – Всегда восемнадцать...

– Что с ней стало, с твоей невестой?

– Вышла замуж за того петуха. Уверен, не обошлось без влияния ее братца, – усмехнулся парень.

– Родж... Откуда ты знаешь... Про пигалицу? – смущенно пробормотала я, и он заулыбался еще шире.

– У призраков хороший слух... Особенно, если они от скуки торчат в стене какого-нибудь кабинета, – туманно объяснил «недоделанный Каспер». – Я знаю много секретов.

– Прямо призрачная энциклопедия! Как давно ты торчишь в Академии?

– Было время, когда я выглядел старше вашего грозного профессора. О чем еще ты хочешь узнать?

О молодости Карпова... О том, кто все-таки зачаровал те синие розы... О секрете, про который Демон просил Роджера помалкивать...

– Знаешь, что за сокровища были у Кристиана, что из-за них все вдруг сошли с ума? – вслух спросила я прозрачного кавалера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.